A 175/155

Народная война

1812 г.

А 175
155

Народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ твоей святой сѣдинѣ:
Иди, спасай! Ты всталъ и спасъ.

Цѣна 25 коп.

Императоръ Александръ I.

БИБЛІОТЕКА * М.П.М.

2007097083

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 19 октября 1883 г.

НАРОДНАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА *).

Какъ въ жизни каждаго человѣка бываютъ годы бѣдствій и тяжелыхъ испытаній, о которыхъ память въ немъ остается навсегда, такъ и въ жизни нашего дорогаго отечества, матушки нашей Россіи, какъ въ старыя, такъ и въ не очень давнія времена, бывали годы бѣдственные и тяжелые, которые никогда не забудутся. Всякій слышалъ о временахъ татарщины и о той смутной порѣ, когда Москва была взята Поляками и спасена Мининымъ и Пожарскимъ,—но найдутся еще среди насъ 90-лѣтніе старцы, которые сами видѣли, еще ребятами, и живо помнятъ нашествіе Французовъ. Это было въ 1812 году—чрезъ 11 лѣтъ послѣ воцаренія Императора Александра I-го, прозваннаго Благословеннымъ. Александръ Павловичъ былъ внукомъ великой Государыни матушки Екатерины и старшимъ братомъ Императора Николая Павловича—дѣда нынѣ царствующаго Государя Императора. День восшествія его на престолъ былъ днемъ всеобщей радости во всѣхъ концахъ

---

*) Матеріаломъ для настоящаго чтенія служили, между прочимъ: «Исторія войны 1812 г.», Даниловскаго; «Исторія нашествія Наполеона на Россію въ 1812 г.», Батурина; «Двѣнадцатый годъ», Шалфеева; «Разсказы старушки о 12-омъ годѣ», Толычевой; «Война и миръ», гр. Толстаго.

Россіи. Молодой, красивый, добрый и милостивый, онъ сразу съумѣлъ пріобрѣсти любовь народа; входилъ въ его нужды и радѣлъ о его благѣ. Умѣлъ онъ ладить и съ иностранными Государями, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо отстаивалъ права и пользу Россіи. Въ ту пору, какъ и теперь, Россія занимала почти третью часть всей Европы. Къ югу отъ нея находится Турція, къ западу—Нѣмецкія земли, а за ними далеко, къ самому морю-океану, лежитъ богатая Франція. Вотъ въ этой-то Франціи съ конца прошедшаго вѣка наступило смутное время. Служилъ въ то время во французскомъ войскѣ молодой человѣкъ, родомъ изъ Корсики—острова на Средиземномъ морѣ—по имени Наполеонъ Бонапартъ. Онъ участвовалъ во многихъ войнахъ, которыя вела Франція, и такъ отличался, что, еще въ молодыхъ лѣтахъ, былъ произведенъ въ чинъ генерала. Стали замѣчать, что куда ни пошлютъ его—вездѣ онъ побѣждалъ непріятелей, и въ мирное время былъ онъ умнѣе всѣхъ. Онъ и самъ зналъ это не хуже другихъ и потому началъ подумывать—какъ бы ему выдвинуться впередъ да захватить власть. Сталъ онъ подбирать себѣ партію, сначала между военными, а потомъ и между гражданскими вліятельными лицами, а скоро и самъ сдѣлался главнымъ, первымъ лицомъ во Французскомъ правительствѣ. Всѣ его слушались, почти также, какъ если бы онъ былъ королемъ. Онъ видѣлъ, что многіе недовольны правительствомъ, что вездѣ безпорядки и безурядица, что нужна

сильная, твердая власть, чтобы всѣ дѣла привести в порядокъ. Онъ такъ былъ увѣренъ въ себѣ и въ поддержкѣ любившаго его войска, что смѣло рѣшился попытать счастія. Однажды, взявъ роту солдатъ, неожиданно явился онъ въ палату, гдѣ засѣдало 500 членовъ, и разогналъ ихъ штыками. Никто не посмѣлъ и не могъ ему противиться; не успѣвшіе убѣжать были арестованы и разсажены по тюрьмамъ. Черезъ нѣсколько времени Наполеонъ Бонапартъ одинъ управлялъ Франціею, — а потомъ не замедлилъ провозгласить себя Императоромъ, и всѣ государства Европы признали его въ этомъ достоинствѣ. Это было въ 1804 году, чрезъ 3 года по вступленіи на престолъ Императора Александра Павловича. Другой, менѣе честолюбивый человѣкъ, удовольствовался бы этимъ внезапнымъ, для всѣхъ неожиданнымъ, возвышеніемъ и всю славу свою положилъ бы въ томъ, чтобъ успокоить свой народъ, дать ему хорошіе законы, оградить его отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и сдѣлаться благодѣтелемъ своего отечества.

Но не то было на умѣ Бонапарта: онъ задумалъ быть повелителемъ не одной только Франціи, но и цѣлаго свѣта. Мало по малу, гдѣ открытою силою, а гдѣ и ловкими продѣлками, съумѣлъ онъ подчинить своей волѣ большую часть государствъ Европы: въ Италію, Испанію, Голландію, Вестфалію—посадилъ королями своихъ подручниковъ: братьевъ, да генераловъ; развелясь со своей женой, вступилъ во 2-й бракъ съ

дочерью Австрійскаго Императора, и, сдѣлавъ его своимъ союзникомъ, уничтожилъ Пруссію однимъ сраженіемъ и такъ опуталъ ее, что она вступила съ нимъ въ союзъ, вопреки своимъ выгодамъ. Пробовалъ онъ опутать и Россію, но Императоръ Александръ не поддался на его льстивыя обѣщанія и приманки. Англія также ему противодѣйствовала. Бонапартъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы подорвать ея торговлю, но онъ не могъ дѣйствовать на нее силою своего оружія, потому что она находится за моремъ, а у него не было большихъ кораблей. За то большая часть мелкихъ Нѣмецкихъ государствъ находились уже въ полномъ подчиненіи у Французскаго Императора и готовы были отдать свои войска въ его распоряженіе.

Одна только Россія была какъ бѣльмо на глазу у Бонапарта и онъ положилъ въ умѣ своемъ: во что бы ни стало уничтожить ее. Императоръ Александръ Павловичъ, несмотря на увѣренія Наполеона въ дружескихъ чувствахъ къ Россіи, дѣятельно приготовлялся къ войнѣ, не вѣря обѣщаніямъ своего противника. И дѣйствительно, Наполеонъ первый нарушилъ миръ: войска его перешли 12 іюня 1812 года Русскую границу у г. Ковно, безъ объявленія войны.

Силы Наполеона были громадныя. Цѣлый годъ собиралъ онъ свою армію, да сверхъ того принудилъ и всѣхъ союзниковъ прислать ему на помощь свои войска. Такимъ образомъ къ веснѣ 1812 года собралось у него до 600,000 человѣкъ, назначенныхъ для вторженія

въ Россію. Кромѣ Французовъ, были тутъ и Австрійцы, и Пруссаки, и Итальянцы, и Поляки, не считая уже небольшихъ отрядовъ, завербованныхъ отъ разныхъ мелкихъ Нѣмецкихъ государей. При войскѣ находилось до 1,400 пушекъ и до 180,000 строевыхъ и обозныхъ лошадей. До 6,000 повозокъ везли за войскомъ съѣстные припасы, а для переправы войска чрезъ рѣки приготовлено было нѣсколько мостовъ на лодкахъ и припасено множество канатовъ, якорей и другихъ вещей для постройки мостовъ изъ лѣса. Такъ на западѣ собиралась на Россію страшная туча вражеская. Какъ же мы приготовлялись встрѣтить эту грозу?

Въ то время не было еще у насъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни шоссе. Были простыя грунтовыя дороги, какихъ и теперь не мало у насъ въ уѣздахъ. Весною отъ тающаго снѣга, а осенью отъ частыхъ дождей онѣ такъ размокаютъ и портятся, что ѣзда по нимъ дѣлается очень трудною и медленною, особенно при передвиженіи тяжелыхъ пушекъ и войсковаго обоза. Чтобъ собрать войска къ границамъ, для встрѣчи непріятеля, нужно было втрое болѣе времени, чѣмъ теперь по шоссейнымъ, и въ десять разъ болѣе, чѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ. Не было у насъ въ ту пору и ежегодныхъ рекрутскихъ наборовъ отъ всѣхъ сословій, какъ теперь, а между тѣмъ нельзя было оставить безъ войска и огромное пространство Русскихъ земель, особенно далекія границы государства; вездѣ требовалась военная сила для соблюденія порядка и безопасности.

Сверхъ всего этого, у насъ велась еще война съ Турціею; и тамъ, подъ командою генерала Кутузова, находилась армія, числомъ слишкомъ въ 50,000 человѣкъ. По всѣмъ этимъ причинамъ Императоръ Александръ противъ огромнаго войска Наполеона успѣлъ выставить только 218,000 человѣкъ и 942 пушки. Все наше войско раздѣлено было на три части. Военный министръ Барклай де-Толли былъ назначенъ главнокомандующимъ и принялъ на себя непосредственное начальство надъ главною, или первою арміею, расположенною въ серединѣ. Это былъ храбрый генералъ, но человѣкъ осмотрительный и осторожный. Онъ хорошо зналъ военное дѣло и умѣлъ всегда вполнѣ владѣть собою: подъ непріятельскими выстрѣлами распоряжался такъ же спокойно, какъ будто находился въ самомъ безопасномъ мѣстѣ, но никогда не увлекался своею отвагою и не дѣйствовалъ на-авось. Онъ понялъ, что нельзя грудью отбивать непріятельскія войска, которыя были втрое многочисленнѣе нашихъ; что если при встрѣчѣ съ ними, они одолѣютъ, все дѣло пропало; что если мы потеряемъ армію,—гибель Россіи неизбѣжна. Вотъ поэтому-то онъ и рѣшился избѣгать встрѣчи съ непріятелемъ и отступать до тѣхъ поръ, пока соединятся 1-я и 2-я арміи. Этою второю арміею, расположенною нѣсколько южнѣе, командовалъ генералъ князь Багратіонъ, совсѣмъ не похожій характеромъ на Барклая. Ученикъ и любимецъ великаго Суворова, онъ привыкъ водить солдатъ впередъ и былъ противъ отступленія даже предъ

Барклай-де-Толли.

такимъ сильнымъ и искуснымъ непріятелемъ, какъ Наполеонъ. За то войско больше любило Багратіона, чѣмъ холоднаго, расчетливаго Барклая. Однако же, повинуясь предписаніямъ главнокомандующаго, онъ также принужденъ былъ избѣгать Французовъ и всѣ свои усилія употребилъ, чтобы какъ можно скорѣе соединиться съ первою арміею. Третья армія, подъ начальствомъ генерала Тормасова, была расположена еще южнѣе второй и должна была наблюдать нашу западную границу. Часть 1-я главной арміи, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, занимала сначала Лифляндію и Курляндію, а потомъ передвинулась въ Витебскую губернію, чтобы преградить путь непріятелю въ Петербургъ. И не даромъ называли графа Витгенштейна спасителемъ Петербурга и Пскова: рядомъ славныхъ побѣдъ онъ дѣйствительно заслонилъ нашу столицу и древній нашъ городъ Псковъ отъ вторженія Французовъ и пріобрѣлъ вѣчную благодарность и любовь всего сѣвернаго края Россіи.

Главная квартира главнокомандующаго и первой арміи была въ Вильнѣ; туда прибылъ и Государь, чтобы наблюдать за ходомъ военныхъ дѣйствій. Какъ разъ въ это время пришло къ нему радостное извѣстіе, что Кутузовъ принудилъ Турцію къ миру. Какъ ни старался Наполеонъ возбуждать Султана противъ Россіи, но Кутузовъ нанесъ его войскамъ такое рѣшительное пораженіе, что Туркамъ пришлось не подъ силу, и миръ былъ подписанъ въ городѣ Бухарестѣ. Теперь Россія

была по крайней мѣрѣ безопасна на югѣ и можно было, хотя и не вдругъ, подвинуть противъ Наполеона войска, прежде дѣйствовавшія въ Турціи.

Между тѣмъ непріятельскія войска уже собирались около нашей Польской границы, со стороны Пруссіи, и готовились перейти рѣку Нѣманъ. Здѣсь собралось ихъ до 450,000 человѣкъ. 11 іюня къ нимъ прибылъ самъ Наполеонъ. Это былъ уже 42-хъ лѣтній человѣкъ, низкаго роста, довольно полный и широкоплечій. Онъ носилъ обыкновенно синій съ отворотами мундиръ поверхъ бѣлаго жилета, бѣлые лосинные штаны и высокіе сапоги по колѣно, на голову надѣвалъ трехугольную шляпу, а сверхъ мундира—сѣрый сюртукъ. Въ такомъ нарядѣ, на своей бѣлой арабской лошади, онъ рѣзко выдѣлялся изъ толпы своихъ генераловъ и однимъ своимъ появленіемъ приводилъ въ восторгъ войска.

Не теряя времени, Наполеонъ поѣхалъ верхомъ осматривать мѣстность. Доѣхавъ до берега Нѣмана, откуда на противоположной сторонѣ виднѣлся издали городъ Ковно, онъ сошелъ съ лошади и долго осматривалъ окрестности въ зрительную трубу. Въ тотъ же вечеръ приказалъ онъ навести три моста черезъ Нѣманъ, между Ковно и мѣстечкомъ Понемунями. На этомъ пространствѣ, у самой рѣки, тѣснилась пѣхота, конница, артиллерія. Запрещено было разводить огни и приказано соблюдать величайшую тишину. Послѣ полуночи, на 12 іюня, началась переправа; вслѣдъ за

своимъ войскомъ переѣхалъ и самъ Наполеонъ и проскакалъ еще верстъ 5 за рѣку, по сыпучему песку, среди еловаго лѣса. Все было тихо, не было никакихъ слѣдовъ Русскаго войска. Утромъ 13 іюня Французскій передовой отрядъ занялъ г. Ковно, а вечеромъ прибылъ туда самъ Наполеонъ и въ первый разъ ночевалъ въ Россіи.

Такимъ образомъ, вторженіе Французовъ въ предѣлы Россіи послѣдовало безъ объявленія войны. Въ ту же ночь вѣсть о вторженіи непріятеля дошла до Вильны. Императоръ Александръ находился на балѣ, устроенномъ на дачѣ генерала Бенигсена. Неожиданно вошелъ въ залу министръ полиціи Балашовъ и доложилъ на ухо Государю, что непріятель переправляется черезъ Нѣманъ. Это извѣстіе, хотя и ожиданное, сильно поразило Государя, однако онъ не измѣнился въ лицѣ и приказалъ не говорить объ этомъ пока никому; а самъ, удалившись съ бала, всю остальную ночь провелъ въ работѣ съ Барклаемъ де-Толли. Утромъ велѣно было Барклаю съ главною частію войска отступить, а Багратіону послано повелѣніе дѣйствовать противъ непріятеля съ боку. Въ ту же ночь Государь подписалъ нашимъ войскамъ приказъ, въ которомъ говорилось такъ: «Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ о ихъ долгѣ и храбрости. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я—съ вами. На зачинающаго Богъ»! Въ то же время въ письмѣ къ фельдмаршалу

Салтыкову, главнокомандующему въ Петербургѣ, Императоръ говорилъ: «Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ моемъ». Затѣмъ, Государь, вмѣстѣ съ главною арміею, отправился къ Витебску, а черезъ 5 дней послѣ этого, Наполеонъ былъ уже въ Вильнѣ и остановился въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, которыя занималъ Императоръ Александръ.

Такъ какъ наша вторая армія стояла южнѣе первой, то Наполеонъ задумалъ врѣзаться между двумя нашими войсками, чтобы разбить каждое изъ нихъ отдѣльно. Въ этомъ промежуткѣ, т. е. между арміями Барклая и Багратіона, стоялъ только храбрый атаманъ Платовъ съ 16-ю казачьими полками. Въ сравненіи съ численностью Французовъ, казаковъ было такъ мало, что они могли только имѣть незначительныя стычки съ непріятелемъ; однако и тутъ они показали себя молодцами, тревожили Французовъ быстрыми набѣгами и нѣсколько разъ побивали ихъ. Тѣмъ не менѣе, чтобъ разстроить планъ Наполеона, Багратіону предписано было спѣшить на соединеніе съ Барклаемъ. Багратіонъ хотѣлъ пробраться къ Витебску чрезъ Минскъ, но непріятель успѣлъ уже занять этотъ городъ раньше его; тогда онъ повернулъ на Могилевъ. Платовъ съ каза-

ками шелъ позади его. Съ своей стороны, Барклай, шедшій на соединеніе съ Багратіономъ, встрѣтился съ Французами около Витебска при селеніи Островнѣ, но не могъ одолѣть ихъ, потому что ихъ было вдвое больше, и сталъ отступать къ Смоленску, куда и Багратіонъ спѣшилъ чрезъ Могилевъ.

Между тѣмъ, война уже давала себя знать: началось опустошеніе страны. Не ожидая непріятеля, крестьяне уходили изъ деревень въ лѣса, или слѣдовали за нашимъ войскомъ. Непріятелю не оставлялось ничего. Солому съ крышъ крестьяне уносили въ лагерь, заборы, двери, ставни разбирались на дрова, а остальное, по выходѣ войска, сожигали казаки. Густая, высокая зелень озимаго хлѣба, уже начинавшаго колоситься, вытаптывалась при движеніи войскъ. Никто о ней и не думалъ, не до того было! Пѣхота шла не только по дорогѣ, но и по сторонамъ ея, по полю. Всякій думалъ: вытопчемъ все, по крайней мѣрѣ Французу не останется. Погода не благопріятствовала отступленію: то шелъ проливной дождь, то становилось душно и жарко. Солдаты на большихъ переходахъ скоро уставали подъ тяжестью ранцевъ и киверовъ, въ суконной, толстой одеждѣ. Тогда кивера-то были большіе, тяжелые—не то что нынѣшнія шапки; солдату было гораздо труднѣе въ походѣ, чѣмъ теперь. При всякой лужѣ солдаты бросались съ манерками черпать теплую, грязную воду. Много было отсталыхъ; завалившись гдѣ-нибудь, чтобы отдохнуть, они попадались въ руки

непріятеля. Не любо было солдатамъ это быстрое отступленіе; уныніе стало распространяться между ними и они тихонько роптали на начальство. А начальство знало, что дѣлало! . . . . . .

Первыя столкновенія съ непріятелемъ уже ясно показали, какъ велики были силы его, а потому Императоръ Александръ рѣшился призвать на борьбу весь свой вѣрный народъ и 6 іюля, въ Полоцкѣ, подписалъ манифестъ ко всей Россіи. Этимъ было положено начало народному ополченію.

Въ ночь на 7-ое іюля Государь Императоръ выѣхалъ изъ Полоцка въ Москву, пославъ впередъ себя воззваніе къ первопрестольной столицѣ.

11-го іюля, съ самаго утра, вѣсть о скоромъ прибытіи Государя пробѣжала по всей Москвѣ и одушевила ее. Вездѣ сходились и сговаривались идти или ѣхать на встрѣчу Государю. «Лица всѣхъ сіяли весельемъ; казалось, что всѣ ожидали какого-то пира торжественнаго. Не слышно было ни одного слова ненависти или негодованія противъ враговъ: всѣ мысли, всѣ слова слились въ одно чувство любви»,—такъ говоритъ очевидецъ, извѣстный нашъ писатель, Сергѣй Николаевичъ Глинка—первый, записавшійся въ ратники ополченія 1812 года.

Въ обширныхъ Московскихъ рядахъ лавки въ это утро заперлись ранѣе обыкновеннаго. Замкнувъ товары и осѣнясь крестомъ, добрые граждане говорили: пой-

демъ въ церковь помолиться за Царя—Государя, а оттуда—за заставу!

У Драгомиловской заставы народъ намѣренъ былъ выпрячь лошадей изъ Государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Множество народа сидѣло на Поклонной горѣ въ ожиданіи; огромная толпа, подъ предводительствомъ С. Н. Глинки, двинулась по дорогѣ впередъ; но только на закатѣ солнца разнеслась вѣсть, что Государь ѣдетъ!

Въ полночь, на Поклонной горѣ встрѣтилъ народъ своего Государя. Священникъ, отецъ Григорій Гавриловъ, въ облаченіи, подноситъ ему серебряное блюдо, на которомъ лежалъ Крестъ Господень, а престарѣлый діаконъ держалъ свѣчу, разливавшую сіяніе въ безлунную и беззвѣздную ночь. Поровнявшись съ причтомъ, Государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и приложился ко Кресту. Священникъ возглашалъ: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

На другой день, рано утромъ, народъ началъ стекаться на Красную площадь. Старцы, опираясь на костыли, матери съ грудными младенцами—все шло, все спѣшило. Надъ Кремлемъ сіяло солнце въ полномъ блескѣ лѣтняго дня. Въ 9 часовъ утра появился на Красномъ крыльцѣ Императоръ Александръ. Раздался звонъ кремлевскихъ колоколовъ, загудѣли восторженные крики народа. Тысячи голосовъ восклицали: Ура! да здравствуетъ Царь—Государь! Веди

насъ, куда хочешь! Веди насъ, Отецъ нашъ! Умремъ или побѣдимъ.

При продолжающемся благовѣстѣ, Государь двинулся съ Краснаго крыльца. На каждой ступени, со всѣхъ сторонъ, сотни торопливыхъ рукъ хватали Государя за ноги, за полы мундира; многіе цѣловали его руки, плакали. Его такъ стѣснили, что приближенныя къ нему лица порывались раздвигать толпу. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: не троньте, не троньте ихъ! Я пройду!

Въ этотъ торжественный день было совершено благодарственное молебствіе по случаю заключенія мира съ Турціею.

15-го іюля назначены были дворянское и купеческое собранія. По предложенію Московскаго градоначальника, графа Ростопчина, Московское дворянство единогласно постановило выставить въ ратники ополченія десятаго. Въ купеческомъ собраніи принесены огромныя пожертвованія. Черезъ 2 часа подписная сумма составляла уже полтора милліона. Со слезами на глазахъ, Государь произнесъ свою рѣчь и затѣмъ, войдя въ залю дворянскаго собранія, сказалъ: «Никогда не сомнѣвался я въ усердіи Русскаго дворянства, но въ этотъ день оно превзошло мое ожиданіе. Благодарю васъ отъ лица Отечества, Господа! Будемъ дѣйствовать: время всего дороже».

Въ ночь на 19 іюля Государь Императоръ уѣхалъ въ Петербургъ.

Манифестъ объ ополченіи воодушевилъ всю Россію. Вездѣ набирали и снаряжали ратниковъ. Каждый жертвовалъ чѣмъ могъ: приносили деньги, золотыя и серебряныя вещи, ружья, сабли, пистолеты, съѣстные припасы. Въ Московской губерніи всѣхъ пожертвованій набралось до 4-хъ милліоновъ и въ теченіе одного мѣсяца было собрано и выступило въ походъ 12 конныхъ и пѣшихъ полковъ. Ратниковъ одѣвали въ сѣрые суконные кафтаны, а на шапкахъ они имѣли мѣдный крестъ, подъ нимъ изображеніе имени Государя и надпись: за вѣру и Царя. По всей Россіи ратниковъ было собрано до 320,000 человѣкъ и пожертвовано до 100 милліоновъ.

Между тѣмъ, непріятель все далѣе подвигался по пути къ Витебску и Смоленску, а Русскіе отступали предъ нимъ. Однако-же сраженія при Островнѣ и потомъ при Салтановкѣ, выдержанныя первою и второю арміями, хотя не могли остановить быстраго нашествія, но значительно задержали его и дали возможность князю Багратіону достигнуть Смоленска. Здѣсь уже было расположено предъ городомъ войско Барклая и обѣ арміи наконецъ соединились. Такимъ образомъ, планъ Наполеона помѣшать соединенію нашихъ армій и разбить ихъ порознь, не удался, и по собственной его винѣ. Вмѣсто того, чтобы пойти прямо на Смоленскъ, онъ пошелъ на Витебскъ и тамъ промедлилъ двѣ недѣли,

Наполеонъ Бонапартъ.

ожидая подкрѣпленій, а тѣмъ временемъ Багратіонъ не дремалъ!

Вообще, Наполеонъ, понимая опасность затѣяннаго имъ дѣла, выказывалъ уже при началѣ войны нерѣшительность и какъ будто робость, которая обнаруживала, что самъ онъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Ему трудно было продовольствовать въ чужой, мало населенной сторонѣ свою громадную армію; оттого-то онъ и въ Вильнѣ промедлилъ довольно долго. Во время прибытія его въ этотъ городъ, болѣе 30,000 человѣкъ его войска, разсѣявшись по деревнямъ для отысканія съѣстныхъ припасовъ, производили грабежи и безчинства всякаго рода. Въ арміи случился сильный конскій падежъ, отъ котораго артиллерія чувствовала недостатокъ въ лошадяхъ. Французы принуждены были оставить въ Вильнѣ 100 пушекъ и 600 зарядныхъ ящиковъ и болѣе 1,500 кавалеристовъ, потерявшихъ лошадей.

Между тѣмъ, пока главныя наши силы, отступая, сосредоточивались и соединились подъ Смоленскомъ, часть первой нашей арміи, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, охранявшая отъ непріятеля пути къ Петербургу и Пскову, нанесла Французамъ сильное пораженіе при Клястицахъ, въ Витебской губерніи, и затѣмъ выдержала кровопролитное сраженіе при Полоцкѣ. Дѣйствія графа Витгенштейна имѣли великое вліяніе на общій ходъ войны: они помѣшали Наполеону взять Ригу и заставили его отказаться отъ похода на Петербургъ. Благодаря ему, не сбылись слова Француз-

скаго маршала Удино, который писалъ Наполеону: Поздравьте меня: Вы не дойдете еще до Москвы, а я въ Петербургѣ буду. Отважность Витгенштейна тѣмъ болѣе замѣчательна, что за нимъ до самаго Петербурга, на разстояніи 600 верстъ, почти вовсе не было войскъ, на помощь которыхъ онъ могъ бы расчитывать въ случаѣ неудачи. До какой степени были мы бѣдны войсками въ этомъ краю можно видѣть изъ того, что когда онъ, послѣ кровопролитныхъ сраженій и значительной убыли въ людяхъ, просилъ о присылкѣ подкрѣпленій, ему могли прислать изъ Пскова только шесть рекрутскихъ батальоновъ. Успѣшныя дѣйствія его показали, что есть средства восторжествовать надъ врагами. Въ то скорбное время, когда главная наша армія отступала все далѣе въ глубь Россіи, Витгенштейнъ былъ единственнымъ утѣшеніемъ отечества. Особенно жители Пскова и Петербурга, избавленные имъ отъ нашествія непріятеля, благословляли его и считали лучшимъ изъ нашихъ полководцевъ. Во Псковѣ уже начали-было вывозить изъ города казенное имущество. На площадяхъ и улицахъ толпился народъ, ожидая извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ и своей участи; въ церквахъ безпрестанно служили молебствія; люди достаточные держали въ готовности лошадей для отъѣзда въ случаѣ приближенія непріятеля. Въ городѣ оставлено было только необходимое, то, что можно было вывезти при близкой опасности. Порохъ и огнестрѣльные снаряды нагрузили на суда, стоявшія въ 5 верстахъ отъ

Пскова. Въ предмѣстьѣ Завеличье все было готово, по первому знаку, для зажженія домовъ. Когда-же вѣсть объ успѣхахъ графа Витгенштейна успокоили Псковитянъ, граждане общимъ совѣтомъ приговорили поднести ему икону св. благовѣрнаго Князя Гавріила, Псковскаго Чудотворца, съ надписью: Защитнику Пскова графу Петру Христіановичу Витгенштейну отъ купцовъ сего города.

Несмотря на эти успѣшныя дѣйствія одной части нашей арміи, туча, шедшая на насъ, все росла и росла, давая о себѣ знать близкими раскатами грома, и наконецъ разразилась надъ Смоленскомъ.

Двѣ недѣли Наполеонъ промедлилъ въ Витебскѣ. Онъ жилъ тамъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ и велѣлъ передъ нимъ сдѣлать площадь, для чего срыли нѣсколько домовъ и строившуюся церковь. На площади ежедневно дѣлалъ онъ смотръ своей гвардіи, о нуждахъ которой особенно заботился. Ему предстояло рѣшить важный вопросъ: идти-ли далѣе, или оставаться до весны въ занятомъ уже краѣ? Собранъ былъ военный совѣтъ. Нѣкоторые изъ маршаловъ полагали ждать весны, но Наполеонъ былъ противнаго мнѣнія. «Императоръ Александръ—сказалъ онъ—не согласится на миръ, не испытавъ счастія въ бою: надобно разбить его армію. Для чего останавливаться здѣсь на 8 мѣсяцевъ, когда въ 20 дней мы можемъ достигнуть цѣли? Не за тѣмъ пришелъ я въ Россію, чтобъ овладѣть ничтожнымъ Витебскомъ». За нѣсколько дней предъ тѣмъ получено было

извѣстіе о заключеніи мира Россіи съ Турціею въ Бухарестѣ. «Турки дорого заплатятъ за свою ошибку», сказалъ Наполеонъ—«она такъ велика, что я и предвидѣть ея не могъ». Ему было ясно, что войска, находившіяся въ Молдавіи и Валахіи, двинутся теперь въ тылъ ему, а потому необходимо, прежде прибытія ихъ, разбить наши первую и вторую арміи. Еще болѣе чѣмъ Бухарестскій миръ, воззванія Императора Александра къ общему возстанію и вооруженію заставили Наполеона возобновить военныя дѣйствія, и онъ рѣшился идти на Москву чрезъ Смоленскъ. Подъ этимъ городомъ сосредоточилась главная непріятельская армія, въ числѣ около 200,000 человѣкъ. По пути ея, при г. Краснымъ, стояла русская дивизія, подъ начальствомъ генерала Невѣровскаго, которая не могла выдержать натиска многочисленнаго непріятеля и отступила къ Смоленску; но это отступленіе стоило побѣды и прославило Русское войско и Невѣровскаго въ глазахъ самихъ Французовъ. 15,000 Французской кавалеріи и дивизія пѣхоты съ артиллеріею не могли ему нанести существеннаго вреда, взяли только нѣсколько пушекъ и въ 6 верстахъ отъ Смоленска прекратили преслѣдованіе. Главныя наши силы находились еще въ 40 верстахъ отъ Смоленска; одинъ только генералъ Раевскій съ передовымъ отрядомъ успѣлъ войти въ городъ ранѣе Французовъ и рѣшился, несмотря на свою малочисленность, защищать его.

Древній городъ Смоленскъ расположенъ на лѣвомъ берегу

Днѣпра и огражденъ высокою, но ветхою каменною стѣною, съ 30-ю башнями въ разныхъ мѣстахъ. Неглубокій ровъ окружаетъ стѣну. Раевскій рѣшился воспользоваться этими укрѣпленіями, чтобъ задержать непріятеля до прихода всего нашего войска. Князь Багратіонъ писалъ Раевскому: «Я не иду, а бѣгу. Желалъ бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись! Богъ тебѣ помощникъ!». Наполеонъ же, завидя вдали за Днѣпромъ наши войска, сказалъ: «Наконецъ Русскіе въ моихъ рукахъ!»—и горько ошибся. Ошибся и Багратіонъ, думая идти на выручку Раевскому. Главнокомандующій Барклай де-Толли рѣшилъ иначе. Онъ считалъ слишкомъ опаснымъ дѣломъ вывести противъ Наполеона все войско, и потому, въ ночь на 5 Августа, послалъ въ Смоленскъ на смѣну Раевскому генерала Дохтурова съ свѣжими силами, чтобы оборонять городъ только до тѣхъ поръ, пока вторая армія Багратіона отступитъ на Московскую дорогу. Вслѣдъ за нею и самъ главнокомандующій съ первою арміею рѣшился отступать къ Москвѣ.

Такимъ образомъ, къ великой досадѣ Наполеона, только малая часть нашей арміи осталась для защиты Смоленска, но и она не попала въ его руки.

Первые приступы Французовъ не имѣли успѣха. Ихъ отбивали нѣсколько разъ съ большимъ урономъ; старыя стѣны были намъ великою помощью; потери наши были незначительны. Смоленскіе жители обоего пола стремились на стѣны, хватали на руки раненыхъ и уно-

сили ихъ въ городъ. Наполеонъ напиралъ слабо и нерѣшительно: онъ думалъ, что Русскій главнокомандующій рѣшился со всѣми своими силами принять сраженіе подъ Смоленскомъ, и потому выжидалъ прибытія всѣхъ войскъ, чтобы окончить дѣло разомъ. Когда же войска его сосредоточились подъ Смоленскомъ, онъ ждалъ, что наши выйдутъ изъ города и примутъ сраженіе за стѣнами. Надежда его скоро разрушилась извѣстіемъ, что главныя Русскія силы отступаютъ по Московской дорогѣ. Видя между тѣмъ, что Русскіе упорно держатся за стѣнами, Наполеонъ велѣлъ идти на проломъ и громить стѣны изъ 150 пушекъ. Крѣпкія и толстыя стѣны, несмотря на свою ветхость, устояли, но ядра и гранаты полетѣли черезъ нихъ въ городъ и произвели пожары. Церкви, дома,—все что могло горѣть,—запылало. Солнце садилось, вѣтру не было; городъ горѣлъ какъ свѣча, но трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, стукъ барабановъ, улицы, наполненныя ранеными, крики женщинъ и дѣтей, цѣлый народъ, упадающій на колѣна съ воздѣтыми къ небу руками—все это представляло страшное, потрясающее зрѣлище. Жители называли этотъ день свѣтопреставленіемъ, а Наполеона—антихристомъ, съ воинствомъ дьяволовъ. Церкви не затворялись; священники совершали молебствія среди дыма и пламени. Это былъ канунъ праздника Преображенія Господня и всенощное бдѣніе продолжалось при неумолкаемомъ громѣ пушекъ. Въ сумерки изъ Благовѣщенской церкви, а потомъ изъ города вынесли чудо-

творный образъ Смоленской Божіей Матери. Со стѣнъ не сходили воины, спереди громимые непріятелемъ, а сзади опаляемые пожаромъ, разлившимся по всему городу. Съ великимъ трудомъ могли сохранить мостъ на Днѣпрѣ—единственное сообщеніе съ арміею, находившеюся по ту сторону рѣки. Поздно вечеромъ, около 11 часовъ, пушечные выстрѣлы умолкли; непріятель отступилъ на небольшое разстояніе отъ стѣнъ; на ночь наши посты разставлены впереди города.

Такова была битва подъ Смоленскомъ. Наполеонъ не имѣлъ рѣшительно никакого успѣха, несмотря на то, что ввелъ въ дѣло болѣе половины своей арміи. Потеря наша простиралась до 4000 человѣкъ убитыми и ранеными, но потеря Французовъ была вдвое болѣе. Ночью собрался военный Совѣтъ, чтобы рѣшить: что теперь дѣлать? Главнокомандующій Барклай де-Толли разсуждалъ такъ: цѣль наша при защищеніи старыхъ Смоленскихъ стѣнъ состояла въ томъ, чтобы задержать непріятеля и тѣмъ дать князю Багратіону со второю арміею нужное время прибыть безпрепятственно въ г. Дорогобужъ, лежащій на Московской дорогѣ. Удерживать долѣе Смоленскъ безполезно: это повлекло бы за собою напрасную потерю храбрыхъ солдатъ. Такъ какъ предположенная цѣль была достигнута и Багратіонъ былъ уже на пути къ Москвѣ, то Барклай рѣшился ночью съ 5 на 6 августа оставить Смоленскъ и со всею арміею занять высоту противъ Смоленска, давая видъ, будто ожидаетъ нападенія Французовъ. Въ часъ

пополуночи генералъ Дохтуровъ получилъ приказаніе очистить городъ со всѣми войсками, бывшими въ его распоряженіи, перейти на правый берегъ Днѣпра и истребить Днѣпровскій мостъ. Войска отступили въ тишинѣ; входы въ городъ заграждены, раненые вывезены. До разсвѣта Смоленскъ совершенно опустѣлъ. Нѣсколько полковъ стали въ предмѣстьѣ противъ бывшаго моста и при бродахъ. Въ такомъ положеніи ожидали разсвѣта, а между тѣмъ мимо войскъ нашихъ тянулись несчастные жители, бѣжавшіе отъ непріятеля: старики съ малолѣтними, матери съ грудными младенцами—всѣ спасались, сами не зная куда, не зная, что будетъ съ нашими и съ Россіею.

Едва стала заниматься заря, 6 августа, въ день Преображенія Господня, какъ непріятельскія передовыя войска, не видя никого предъ собою, ни внѣ стѣнъ, ни на стѣнахъ, стали подходить все ближе къ Смоленску, прислушиваться и мало по малу входить въ городъ. Наконецъ въѣхалъ въ городъ и самъ Наполеонъ, посреди свирѣпствовавшаго еще пожара, по обгорѣлымъ трупамъ храбрыхъ нашихъ солдатъ. Кое гдѣ встрѣчалъ онъ бродившихъ жителей, доведенныхъ до отчаянія видомъ пылающаго города и разбоемъ, которому предавались непріятели, особенно Поляки. Лишенные крова, семейства, пищи,—несчастные Смоляне искали пріюта и защиты; раненые, обгорѣлые, избитые, спасались они въ храмахъ Божіихъ. Въ такомъ положеніи нашелъ Наполеонъ Смоленскъ: онъ з а н я л ъ,

а не взялъ его, потому что защищавшій его генералъ Дохтуровъ не былъ вытѣсненъ изъ города, и оставилъ его развалины, получивъ на то приказаніе своего главнокомандующаго. Наполеонъ послалъ войско преслѣдовать нашу армію, отступавшую по Московской дорогѣ, но наши отбивали съ успѣхомъ всѣ его нападенія. Тогда Французскіе маршалы пытались, нападая на отдѣльныя части нашей арміи, стать имъ поперекъ дороги и отрѣзать ихъ одну отъ другой, но и это имъ не удалось. Армія наша продолжала безостановочно подвигаться по направленію къ Москвѣ.

Главнокомандующій Барклай де-Толли чувствовалъ однако, что пора остановиться и дать рѣшительное сраженіе непріятелю. Для этого онъ послалъ впередъ опытныхъ офицеровъ, приказавъ имъ выбрать такое мѣсто, гдѣ наши войска могли бы удобно защищаться. По донесеніямъ ихъ, онъ думалъ сначала остановиться у селенія Умолья, не доходя города Дорогобужа; но, осмотрѣвъ мѣстность, нашелъ ее не достаточно пригодною. Точно также остался онъ недоволенъ мѣстностями при г. Дорогобужѣ и далѣе при городѣ Вязьмѣ. Такимъ образомъ армія наша дошла до мѣстечка Царево-Займище, гдѣ главнокомандующій рѣшился наконецъ остановиться и дать отпоръ непріятелю.

Положеніе Барклая де-Толли послѣ сдачи Смоленска было самое трудное: всѣ винили его за неудачный ходъ войны. Войско роптало; при появленіи его не слышно уже было обычныхъ кликовъ привѣтствія; говорили

даже объ измѣнѣ. Тяжело было Барклаю видѣть и слышать все это, но онъ пока ничего не могъ сдѣлать, чтобъ ободрить войско. Оно рвалось на рѣшительную битву, но все еще было гораздо слабѣе непріятельскаго и, въ случаѣ неудачи, его нельзя было въ скоромъ времени пополнить, а потому большое проигранное сраженіе имѣло бы самыя гибельныя и рѣшительныя послѣдствія для отечества. Можно было, правда, расчитывать на южную армію, которая покончила войну съ Турціею, но она была еще очень далеко. Правда, по всѣмъ губерніямъ снаряжалось ополченіе, но только дружины Смоленскія да Московскія, и то не всѣ, успѣли присоединиться къ войску. Да и нельзя было слишкомъ расчитывать на ополченіе: большая часть ратниковъ не имѣли ружей, а вооружены были пиками и даже заостренными кольями. Всѣ они готовы были сложить свои головы, но, не зная еще военнаго дѣла, съ своимъ плохимъ оружіемъ, не могли много повредить опытному войску Наполеона. Поневолѣ приходилось отступать! Безъ пѣсенъ, молча и печально шагали наши солдаты, среди невыносимой жары и окруженные густою пылью, съ почернѣвшими лицами и руками; томились отъ жажды, которой часто негдѣ было утолить. Пушки тянулись въ шесть рядовъ по столбовой, широкой дорогѣ; солнце, сквозь облако пыли, казалось багровымъ пятномъ. Между тѣмъ приходилось отбиваться отъ непріятеля. Тутъ больше всего доставалось казакамъ.

«Нѣтъ ужь мочи больше держаться», разсказывалъ одинъ казакъ—«такъ и садится, окаянный, на шею! Право, ужь и Матвѣй Ивановичъ (Платовъ) скоро откажется»!

Вмѣстѣ съ нашимъ войскомъ отступало и населеніе деревень и городовъ, спасаясь отъ грабежа и насилій со стороны непріятеля. Съ самаго начала войны непріятели стали грабить все, что попадалось подъ руку. Вотъ картина этого грабежа, извлеченная изъ разсказа пострадавшаго отъ Французовъ, нѣкоего Добрынина, совѣтника главнаго Витебскаго суда. Въ ночи съ 6 на 7 іюля получилъ онъ предписаніе отъ Витебскаго губернатора выбраться въ городъ Невель съ дѣлами и архивомъ своего присутственнаго мѣста. Исполнивъ это и пробывъ уже 4 дня въ Невелѣ, онъ узналъ о повелѣніи, чтобы Приказъ общественнаго призрѣнія возвратился въ Витебскъ со всѣми бумагами. Изъ этого онъ заключилъ, что и ему можно еще съѣздить въ Витебскъ, чтобъ забрать оставшіяся тамъ, по случаю спѣшнаго отъѣзда, вещи и увидѣть друга своего, больнаго при смерти, жившаго въ собственномъ его, Добрынина, домѣ. Не доѣхавъ верстъ 10 до Витебска, завернулъ онъ по пути въ домъ одного знакомаго помѣщика. Вслѣдъ за нимъ ворвались въ домъ человѣкъ 30 конныхъ Французскихъ солдатъ. Это было часу въ 11-мъ предъ полуднемъ. Прежде всего потребовали они отъ хозяйки вина и водки. Напившись, бросились разбивать сундуки, шкафы, комоды. Потомъ кинулись въ кладовыя, въ амбары, въ

конюшню, въ каретный сарай; взяли коляску, запрягли лошадей и, нагрузивъ ее всѣмъ, что легче и дороже, отобрали и у Добрынина лошадей съ упряжью, а чемоданъ его, въ которомъ было между прочимъ 1,500 рублей, опорожнили до чиста. Одинъ изъ грабителей, увидѣвъ на груди у него орденъ Св. Анны, сорвалъ его и уже хотѣлъ спрятать; но начальникъ партіи, отобравъ орденъ, возвратилъ его Добрынину. Въ гостяхъ у помѣщика случились въ этотъ день сосѣди съ женами и съ малолѣтними дочерьми. У нихъ также были отобраны лошади и дрожки и со всѣхъ вообще сняты сапоги и башмаки. Добрынинъ успѣлъ скрыться въ темномъ углу сарая и тамъ, въ полуразломанной каретѣ, просидѣлъ до самой ночи, пока Французы уѣхали. Они вездѣ бѣгали и искали его, чтобы снова снять съ него орденъ, но нигдѣ не могли найти. Несчастный хозяинъ скрылся, а гости, въ числѣ 12 человѣкъ, провели ночь въ гумнѣ.

Въ продолженіе 6 или 7 дней отряды Французской арміи разсыпались и грабили въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ домахъ и раззоряли тѣхъ, которые съ ними никогда не сражались, крича и увѣряя, что они пришли на защищеніе угнетеннаго народа. Наконецъ Добрынинъ, съ товарищами своими, человѣкъ до 30, добрались до Витебска. При входѣ встрѣтилась имъ Французская конная гвардія. Во всякомъ домѣ изъ оконъ выглядывали Французы; никого изъ гражданъ не было видно, кромѣ бѣднѣйшихъ и Евреевъ; лавки и винные погреба

были пусты; двери вездѣ отперты, поломаны, стекла побиты; оконницы расколоты, иныя висѣли вкось по окну, на одномъ крюку. Церкви и костелы наполнены были больными, ранеными, разными походными принадлежностями и кормомъ для лошадей. Переночевавъ въ собственномъ своемъ домѣ, Добрынинъ на другое утро долженъ былъ явиться къ Французскому генералу. Генералъ принялъ его ласково, угощалъ французскимъ виномъ и сказалъ: «Нашъ Государь вашему Государю другъ. Вы какъ служили одному изъ нихъ, такъ можете служить и другому». Добрынинъ всталъ, поклонился генералу и вышелъ, не сказавъ ни слова въ отвѣтъ на это предложеніе. Несмотря на любезность генерала, домъ былъ ограбленъ: изъ запасовъ, бѣлья, посуды не осталось ничего.

Подобнымъ образомъ поступали Французы и въ другихъ мѣстахъ. Подъ Смоленскомъ Платовъ доносилъ Барклаю-де-Толли, что непріятели вездѣ грабятъ, бьютъ жителей, оскверняютъ церкви. Въ одномъ селѣ Французскіе солдаты стирали бѣлье на образахъ, вынесенныхъ изъ церкви. Все это приводило жителей въ страхъ и ожесточеніе. Одни, забравъ кое-какое имущество, уходили за нашимъ войскомъ, или перебирались въ дальнія мѣста; другіе скрывались въ лѣсахъ и оттуда, при всякомъ удобномъ случаѣ, вредили непріятелю. Всѣ поступали такъ, чтобы врагу не оставалось ничего. Жители города Вязьмы роздали нашимъ отрядамъ всѣ припасы, какіе у нихъ еще оставались, и потомъ подожгли городъ. По

деревнямъ крестьяне спрашивали нашихъ солдатъ: «Не пора-ли, служивые, зажигать избы»? Что оставляли жители, то зажигали казаки. Верстъ 20 по сторонамъ отъ столбовой дороги, по которой отступало наше войско, виднѣлись пожары и предъ непріятелемъ всюду становилось пусто, хоть шаромъ покати. Чтобы добыть какихъ нибудь припасовъ, непріятельскимъ отрядамъ приходилось сворачивать далеко въ сторону; но и тамъ они немногимъ могли поживиться.

Наполеонъ начиналъ уже предвидѣть, что его ожидало далѣе. Онъ вознамѣрился сдѣлать Императору Александру мирныя предложенія и избралъ для того раненаго и взятаго въ плѣнъ генерала Тучкова, привезеннаго въ Смоленскъ. Наполеонъ имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ и въ концѣ концовъ поручилъ ему въ точности передать этотъ разговоръ Государю. Затѣмъ онъ написалъ собственноручное письмо къ Государю и отправилъ его въ нашу главную квартиру. Отвѣтомъ Наполеону было презрительное молчаніе.

Итакъ, какъ уже сказано выше, Русская армія дошла до селенія Царева-Займища на Московской дорогѣ, гдѣ найдено было удобное мѣсто для большаго сраженія. Это было 17 августа. Начали строить укрѣпленія, но войска не надѣялись уже на близкую встрѣчу съ врагами. Поколебалось довѣріе къ главнокомандующему, а разногласіе его съ княземъ Багратіономъ, начальникомъ 2-й арміи, достигло высшей степени. Впрочемъ, сраженіе не завязѣло уже отъ Бар-

клая де-Толли, потому что чрезъ нѣсколько часовъ по вступленіи арміи въ лагерь при Царевѣ-Займищѣ получено было извѣстіе о Высочайшемъ повелѣніи—быть князю Кутузову главнокомандующимъ надъ всѣми арміями—и о скоромъ прибытіи его къ войскамъ. Императоръ удостоилъ Барклая-де-Толли, по этому случаю, милостивымъ рескриптомъ.

Такъ кончилось главное начальство Барклая-де-Толли надъ первыми двумя арміями. Онъ остался при арміи подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго, заглушивъ въ себѣ, какъ истинный сынъ отечества, всякое мелкое самолюбіе.

Мы сказали, что Императоръ назначилъ главнокомандующимъ князя Кутузова. До Царя уже доходили слухи, что войско и народъ сильно ропщутъ на Барклая. Самъ Царь крѣпко на него надѣялся, но ясно видѣлъ, что нельзя оставлять его главнокомандующимъ, потому что надо, чтобъ солдатъ весело шелъ за начальникомъ и имѣлъ къ нему полное довѣріе.

Князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ происходилъ отъ древняго дворянскаго рода и былъ кореннымъ, истинно-русскимъ человѣкомъ не только по происхожденію, но и по духу; такой именно человѣкъ и нуженъ былъ въ ту пору, чтобы ободрить солдатъ и поднять духъ въ войскѣ. Онъ уже и прежде, за гра-

Свѣтлѣйшій князь Кутузовъ-Смоленскій.

ницей, воевалъ съ Наполеономъ, который давно зналъ его какъ опытнаго генерала и говарпвалъ даже своимъ приближеннымъ, что Кутузовъ—старая лисица и что его не проведешь. Въ 1812 году, Кутузовъ, уже почти 70-лѣтній старецъ, былъ еще молодцомъ: онъ только что окончилъ Турецкую войну. Еще при Императрицѣ Екатеринѣ онъ сталъ извѣстенъ какъ храбрый, знающій военное дѣло человѣкъ; не разъ бывалъ въ походахъ съ лучшими полководцами Екатерины: Румянцевымъ, Потемкинымъ и Суворовымъ, который называлъ его своей правой рукой. Въ прежнихъ войнахъ Кутузова два раза опасно ранили: въ первый разъ пуля попала ему около лѣваго глаза и вышла у праваго; послѣ этого онъ окривѣлъ. Въ другой разъ ему прострѣлили шею. Возвратившись въ Петербургъ изъ Дунайской арміи, онъ обращалъ на себя общее вниманіе и Петербургское дворянство единогласно выбрало его начальникомъ Петербургскаго ополченія. Въ это-то время Императоръ Александръ призвалъ его спасти Россію отъ Наполеона.

Первымъ дѣломъ, отправился онъ въ Казанскій соборъ и отслужилъ молебенъ, а послѣ молебна подошелъ ко кресту и сказалъ священнику: «Помолитесь за меня, батюшка, на меня возложено великое дѣло»! Вслѣдъ за тѣмъ, тотчасъ же снарядился въ путь. Еще до прибытія его въ армію, солдаты, узнавъ, что онъ будетъ ими командовать, говорили: ѣдетъ Кутузовъ бить Французовъ. Въ народѣ его также знали по солдатскимъ разсказамъ. Куда прискачетъ передовой

заказывать лошадей подъ князеву карету, тамъ выходили къ нему поселяне навстрѣчу; на дорогѣ его ждали цѣлыя толпы. По обѣимъ сторонамъ стояли старики и бабы, нѣкоторыя и съ дѣтьми на рукахъ. Ѣхалъ онъ мимо и кланялся вправо и влѣво изъ кареты, а ему кричали въ слѣдъ: «Поспѣшай, нашъ отецъ, избави насъ отъ супостата»! Верстахъ въ пяти отъ города Гжатска ждали его горожане, живо отстегнули его лошадей, сами впряглись въ карету и довезли ее до города.

Пріѣхавъ въ лагерь при Царевѣ-Займищѣ, онъ вышелъ изъ кареты и сѣлъ на коня. На немъ былъ мундирный сюртукъ безъ эполетъ, бѣлая фуражка съ краснымъ околышемъ, безъ козырька; черезъ одно плечо шарфъ, черезъ другое—ремень съ нагайкою. Завидѣло его войско и восторженно грянуло ура! Осмотрѣлъ онъ Царево-Займище. «Это мѣсто—говоритъ—для сраженія не годится; надо отойти еще подальше». Пошла наша армія дальше по Московской дорогѣ и дошла до селенія Бородина. Тутъ она остановилась. Текутъ около Бородинскаго поля два ручья и двѣ рѣчки: Колоча, Война, Огникъ и Стонецъ. Точно чуяли изстари люди, что будетъ тутъ большое кровопролитіе, что прозвали ихъ такими именами.

Въ близкомъ разстояніи отъ Бородина лежитъ на возвышеніи деревня Шевардино; тамъ приказалъ главнокомандующій построить наскоро передовое укрѣпленіе, которое должно было выдержать первый натискъ Фран-

цузовъ. 24 августа Наполеонъ, послѣ упорнаго боя, взялъ его и Русская армія, расположенная на широкомъ Бородинскомъ полѣ, очутилась почти безъ укрѣпленій, такъ какъ не было времени построить ихъ какъ слѣдуетъ.

День 25 августа прошелъ тихо: Русскіе и Французы приготовлялись къ большому, рѣшительному сраженію. Русское войско, несмотря на то, что къ нему присоединилось ополченіе, численностью своею было почти вдвое слабѣе непріятеля—въ немъ было около 130,000; но оно было сильно любовью къ отечеству и тѣмъ, что его велъ Кутузовъ.

Оставляя Смоленскъ, Русскіе вывезли оттуда чудотворную икону Смоленской Божіей Матери, чтобъ не оставить ее въ рукахъ Французовъ, и ее-то приказалъ главнокомандующій понести вдоль всей линіи нашего войска, которое во многихъ мѣстахъ служило передъ нею молебны наканунѣ битвы.

Изъ подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ, по пыльной дорогѣ, стройно шла пѣхота со снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. За батальономъ, шли въ ризахъ священники, съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ чернымъ ликомъ, въ окладѣ, икону. За иконой, кругомъ и впереди ея—со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали и кланялись въ землю, съ обнаженными головами, толпы военныхъ. Ополченцы—и тѣ, которые были въ деревнѣ и, тѣ, которые работали на батареѣ, т. е.

строили наскоро земляныя укрѣпленія, побросавъ лопаты, побѣжали на встрѣчу чудотворной иконѣ. Когда шествіе остановилось на одномъ пригоркѣ для молебна, Кутузовъ, объѣзжавшій войска, подъѣхалъ, слѣзъ съ лошади и остановился позади священника. За нимъ было много генераловъ. Ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться. Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, поклонился до земли и приложился къ святынѣ, потомъ опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералы послѣдовали его примѣру, хотя между ними были и Нѣмцы. Потомъ подошли офицеры, а за ними, давя другъ друга, топчась, пыхтя и толкаясь, со взволнованными лицами, полѣзли и солдаты и ополченцы. Вдругъ раздался около Кутузова крикъ: «орелъ! орелъ!». Поднялъ голову Михаилъ Иларіоновичъ и видитъ—прямо надъ его сѣдою головою паритъ орелъ. Князь первый отдалъ ему честь и крикнулъ: ура! Полки подхватили одинъ за другимъ: «ура!»—и далеко огласилась окрестность.

Все наше войско Кутузовъ подѣлилъ на три части, кромѣ запасныхъ войскъ, которыя онъ держалъ поодаль: одну часть поставилъ въ средину, одну справа, другую слѣва—по военному сказать: правое крыло да лѣвое. Правое крыло да середину онъ отдалъ подъ команду Барклая, а лѣвое крыло—князю Багратіону. На цѣлыхъ 8 верстъ раскинулась наша армія, и сколько ни было деревень на этихъ 8 верстахъ—всѣ ихъ разорили, чтобы мѣсто очистить: на войнѣ ничего не жалѣютъ—

было бы только удобно сражаться; а то какъ засядетъ непріятель въ какую-нибудь деревушку—все равно что въ крѣпости: выживай его оттуда! Князь Кутузовъ объѣхалъ все наше войско. Передъ каждымъ полкомъ онъ останавливался и говорилъ солдатамъ: «Завтра битва; стойте крѣпко, дѣтушки, вѣдь Москва за вами»! Солдаты вездѣ гремѣли въ отвѣтъ: «Рады стараться»! А нѣкоторые приговаривали: «Оглянемся на Москву, такъ на чорта полѣземъ»!

Свечерѣло; забродили облака по небу, поднялся вѣтеръ и призатихло передъ боемъ Бородинское поле. Изъ непріятельскаго лагеря долетали еще до насъ шумъ и голоса. Наполеонъ объѣзжалъ свое войско и кричали ему солдаты по своему: «да здравствуетъ Императоръ»! А у насъ перекликались часовые, ржали кое-гдѣ лошади, да трещали тамъ и сямъ костры. Солдаты варили себѣ ужинъ и лишь изрѣдка перекидывались словомъ; нѣкоторые чистили мундиры, да смѣняли бѣлье—значитъ, на смерть себя готовили,—а другіе стояли на колѣнахъ и молились. Когда позвали ихъ, по распоряженію начальства, выпить по чаркѣ водки, многіе отказались: «Благодаримъ, говорятъ, не къ тому готовимся, не такой завтра день»!

Настала темная ночь, всѣ улеглись; кто въ послѣдній разочекъ заснулъ, а кто, можетъ, и не забылся сномъ до утра. Таковъ былъ канунъ великой Бородинской битвы.

Тѣмъ временемъ Наполеонъ, сдѣлавъ всѣ нужныя

распоряженія, расположился ночевать въ палаткѣ, у большой дороги. Мрачныя мысли тѣснились ему въ голову, онъ не могъ заснуть. Въ три часа ночи вышелъ онъ въ большое отдѣленіе палатки и спросилъ, не ушли-ли Русскіе? Ему отвѣчали, что непріятельскіе огни все на тѣхъ же мѣстахъ. Наполеонъ одобрительно кивнулъ головой и поглядѣлъ на часы: было только 4 часа утра. Онъ надѣлъ теплый сюртукъ и шляпу и вышелъ изъ палатки. Ночь была темная и сырая. Костры не ярко горѣли вблизи, во Французской гвардіи, и далеко, сквозь дымъ, блестѣли огни по Русской линіи. Вездѣ было тихо, и ясно слышались шорохъ и топотъ начавшагося уже движенія Французскихъ войскъ, отправлявшихся на назначенныя имъ мѣста.

Въ половинѣ шестаго Наполеонъ верхомъ ѣхалъ къ деревнѣ Шевардину, которая за день передъ тѣмъ занята была Французами.

Начинало свѣтать, небо расчистилось, только одна туча лежала на востокѣ. Покинутые костры догорали въ слабомъ свѣтѣ утра.

Вправо раздался густой, одинокій пушечный выстрѣлъ, пронесся и замеръ среди общей тишины. Прошло нѣсколько минутъ. Раздался второй, третій выстрѣлъ, заколебался воздухъ; четвертый, пятый раздались близко и торжественно гдѣ-то справа.

Еще не отзвучали первые выстрѣлы, какъ раздались еще другіе, еще и еще, сливаясь и перебивая одинъ другой.

Наполеонъ подъѣхалъ со свитой къ Шевардинскому укрѣпленію и слѣзъ съ лошади. Сраженіе началось.

Лишь проглянуло солнышко 26 августа — въ самый день Владимірской Божіей Матери — загремѣли Наполеоновскія пушки и Французы пошли стѣной на Багратіоновское укрѣпленіе, что̀ на лѣвомъ нашемъ крылѣ, на холмѣ, называемомъ Красная Горка. Встрѣтили мы ихъ съ Красной Горки пушечною пальбой. Иные падали, что̀ подкошенные колосья, а которые на ногахъ оставались, шли впередъ, не робѣли, шагу даже не убавляли, точно смерть имъ свой братъ. И все ближе къ нашимъ да ближе. Князь Багратіонъ залюбовался ими, разыгралось въ немъ солдатское сердце и крикнулъ онъ: «славно!». Да и наши стояли молодцами, нечего сказать, не посрамили себя! Выхватывало ихъ цѣлыми рядами изъ строя; то и дѣло раздавался крикъ: «смыкайся!», и не успѣютъ они сомкнуться, а ужь летятъ на нихъ опять, что саранча, гранаты да ядра. Какъ подошли къ укрѣпленію Французы, подъ нашимъ огнемъ, князь скомандовалъ: «въ штыки!», и штыки засверкали, закипѣлъ рукопашный бой. Положатъ наши цѣлый рядъ непріятелей, а за нимъ, какъ изъ земли, выростетъ другой. А снаряды, своимъ чередомъ, сыплются градомъ. Вдругъ — осколокъ гранаты ударилъ князя Багратіона въ колѣно и раздробилъ кость, а онъ и на конѣ не пошатнулся: одну думушку держалъ въ головѣ — какъ-бы солдаты не видали, что смерть за нимъ пришла. Хотѣлъ онъ одолѣть боль, да боль его одолѣла. Потемнѣло у него въ

глазахъ и только успѣли снять его съ сѣдла, какъ онъ лишился чувствъ. Дрогнули солдаты, когда унесли Багратіона съ поля битвы. Стояли они подъ картечью—не унывали, а отъ такой бѣды замерли въ нихъ сердца. Спутались, смѣшались мигомъ наши ряды, а Французы все налегаютъ и все прибываетъ къ нимъ свѣжая сила. Подались Русскіе солдаты, отступили передъ напоромъ и перешли на ту сторону оврага: тамъ опять свое укрѣпленіе. А Французы ворвались на Красную Горку.

Кутузовъ съ высоты холма слѣдилъ за сраженіемъ и когда прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что князь Багратіонъ раненъ смертельно, онъ такъ и вскрикнулъ. Команду надъ Багратіоновскими укрѣпленіями принялъ генералъ Дохтуровъ, который—помните?—отличился подъ Смоленскомъ.

Овладѣвъ Красною Горкою, Наполеонъ приказалъ своимъ конными полкамъ обойти наше лѣвое крыло и отрѣзать его отъ остальнаго войска, которое стояло на старой Смоленской дорогѣ. Три раза налетали Французы на наши полки, но каждый разъ ихъ встрѣчали штыками и прогоняли назадъ. Тогда Наполеонъ двинулъ туда часть своей гвардіи. Намъ грозила большая опасность; но въ эту минуту Наполеонъ вдругъ замѣтилъ смятеніе на лѣвомъ крылѣ своего войска и, остановивъ гвардію, поскакалъ узнать въ чемъ дѣло.

Съ самаго начала сраженія Кутузовъ находился у деревни Горки, на правомъ нашемъ крылѣ. Сидя на скамьѣ,

на косогорѣ, откуда видно было сраженіе, онъ спокойно выслушивалъ донесенія и отдавалъ приказанія. Узнавъ объ опасности, которая грозила лѣвому нашему крылу, онъ сѣлъ на лошадь, взъѣхалъ на пригорокъ, чтобы оттуда удостовѣриться въ справедливости донесенія, чтобы яснѣе увидѣть съ высоты положеніе дѣла. Убѣдившись, что въ самомъ дѣлѣ лѣвому флангу приходилось плохо, онъ вдругъ придумалъ ловкую штуку. Былъ Наполеонъ хитеръ, за то и Кутузовъ, спасибо, не промахъ!

Какъ наша армія была подѣлена на трое, такъ и Французская: середина, лѣвое крыло и правое. Кутузовъ приказалъ нѣсколькимъ полкамъ конницы переправиться черезъ р. Колочу, вправо отъ с. Бородина, и напасть на лѣвое крыло Французовъ, которые совсѣмъ и не ожидали этого нападенія. Этимъ онъ надѣялся напугать Наполеона и отвлечь силы его отъ нашего лѣваго крыла. Хитрость удалась вполнѣ. Нападеніе нашихъ было стремительное; они произвели тревогу и смятеніе на лѣвомъ крылѣ непріятеля. Это и заставило Наполеона остановить свою гвардію и поскакать къ тому мѣсту, откуда, какъ ему казалось, грозила опасность. Опасности на самомъ дѣлѣ не было, потому что нашихъ было немного. Они, сдѣлавъ нападеніе и произведя тревогу, по приказанію же Кутузова, ушли назадъ; а между тѣмъ Наполеонъ упустилъ удобную минуту, когда онъ могъ, разбивъ наше лѣвое крыло, одержать побѣду. Этимъ временемъ генералъ Дохтуровъ, замѣнившій Багратіона,

самъ ударилъ на Французовъ, да такъ ударилъ. что, ужь куда они не робки, а не выдержали— отступили. Такъ-то Кутузовъ и перехитрилъ Бонапарта!

Съ досадой возвратившись къ Шевардину, Наполеонъ всѣ свои силы направилъ теперь противъ середины нашего войска. Здѣсь, какъ и на правомъ крылѣ, главнымъ начальникомъ былъ Барклай-де-Толли. Между селеніемъ Семеновскимъ и Горками, на высокомъ холмѣ, было насыпано укрѣпленіе и на немъ поставлено 18 пушекъ. По обѣ стороны этого холма также были поставлены пушки. Этою батареей уже съ утра пытался завладѣть непріятель, но генералъ Раевскій защищалъ ее своими полками. Разъ Французы уже взобрались на батарею, но ихъ сбросили внизъ.

Рѣшительное нападеніе на середину нашего войска Наполеонъ началъ страшной пальбой изъ множества пушекъ. Выстрѣлы съ той и съ другой стороны сдѣлались теперь такъ часты, что отъ нихъ слышался неумолкающій громъ и тряслась земля. Ядра сыпались на наши батареи, поражая людей и лошадей, раздробляя въ щепы лафеты и зарядные ящики. У пушекъ въ короткое время перебило всю прислугу и ее замѣняли пѣхотными солдатами; на артиллерійскихъ лошадей сажали ратниковъ. Въ эту страшную минуту наши полки стояли твердо, какъ стѣна. Главные наши генералы: Барклай-де-Толли, Милорадовичъ и Остерманъ ободряли ихъ своею необыкновенною храбростію. Барклай съ самаго утра

являлся во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ и точно искалъ смерти. Подъ нимъ убито и ранено 5 лошадей. Тутъ поняли наши солдатики, что согрѣшили противъ него, что не измѣнникъ онъ Россіи. За то, къ какому полку ни подскачетъ онъ, вездѣ гремѣло ему дружное «ура»!

Нечего сказать, ужь стояли люди на Бородинскомъ полѣ! Кто кого смѣлѣе, да удалѣй! Про Милорадовича говаривалъ князь Кутузовъ, что онъ о двухъ головахъ. Лопаются около него гранаты, а онъ говоритъ: «проголодался я!» да завтракъ велѣлъ себѣ подать—точно у Христа за пазухой сидитъ. А генералу Раевскому Барклай далъ батарею подъ команду: стояла она около рва. Засыпàли ее непріятельскіе снаряды. Валятся рядами лошади, валятся люди, ядра сбиваютъ пушки съ мѣстъ, адъ кромѣшный да и только,—а все не сдаются Раевскій и его ребята. Пошли на нихъ Французы въ рукопашный бой—они Французовъ сбросили въ ровъ. Да нашла коса на камень: однихъ-то сбросили, а кинулись на батарею другіе, словно изъ земли выросли. И тѣхъ приняли въ штыки, и тѣ полетѣли въ ровъ. Наполеонъ, увидѣвъ это, двинулъ еще новые полки на батарею Раевскаго. Напали на нее разомъ и пѣхота, и конница; сила солому ломитъ—одолѣлъ Французъ! Его пѣхота заняла батарею, а конница понеслась дальше. Летитъ безъ оглядки, да натолкнулась на Барклая. Повелъ онъ на нее свои полки, немного ихъ осталось, да за то богатыри! Навалились они на Французовъ, стѣ-

сняли ихъ и погнали назадъ. Французскіе командиры послали гонца къ Наполеону на Шевардинскій курганъ— просить подкрѣпленія, «безъ того, говорятъ, намъ Русскихъ не одолѣть».

«Подкрѣпленія»? сказалъ Наполеонъ, съ строгимъ удивленіемъ, какъ бы не понимая этого слова. «Какого они просятъ подкрѣпленія, когда у нихъ въ рукахъ половина арміи противъ слабаго, неукрѣпленнаго крыла Русскихъ»? Такъ онъ и не далъ имъ помоги.

Черезъ нѣсколько минутъ подскакалъ къ нему ещедругой гонецъ—генералъ со свитой. Слѣзши съ лошади, онъ быстро подошелъ къ Императору и смѣло, громкимъ голосомъ, сталъ доказывать необходимость подкрѣпленій. Онъ клялся честью, что Русскіе погибли, если Императоръ дастъ еще дивизію.

Наполеонъ подернулъ плечами и, ничего не отвѣтивъ, отошелъ отъ него. «Вы очень горячи», опять подойдя къ нему, сказалъ Наполеонъ. «Легко можно ошибиться въ общей свалкѣ. Поѣзжайте и посмотрите хорошенько, и тогда пріѣзжайте ко мнѣ». Не успѣлъ еще генералъ скрыться изъ виду, какъ съ другой стороны прискакалъ новый посланный съ поля сраженія, просить о томъ-же. Тогда только Наполеонъ рѣшился послать дивизію изъ запаснаго войска, а гвардіи своей все-таки не далъ: «Въ трехъ тысячахъ верстъ отъ Франціи нельзя губить лучшее войско», сказалъ онъ въ объясненіе своего упорства.

Въ третьемъ часу дня нападенія Французовъ прекра-

тились. До 6 часовъ слышны были еще пушечные выстрѣлы; въ сумерки они замолкли совсѣмъ. Оба войска, наше и непріятельское, стояли другъ противъ друга почти на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, что и въ началѣ боя. То и другое понесло страшныя потери, но не считало себя побѣжденнымъ.

Кутузовъ также считалъ сраженіе выигранным и приказалъ готовиться на завтра къ нападенію. Всѣ были этому рады; всѣмъ вѣрилось, что стопть еще разъ всѣми силами навалиться на врага—и онъ будетъ уничтоженъ. Но вечеромъ донесли Кутузову, что войско наше сильно разстроилось, хотя и готово на новый бой. Потеря была страшная: болѣе 55,000 человѣкъ! Особенно много потерпѣло войско Багратіона, стоявшее на лѣвомъ крылѣ. Въ немъ изъ 34,000 человѣкъ осталось только 14,000. Немногимъ меньше пострадало и войско Наполеона: онъ потерялъ 50,000 человѣкъ и 43 генерала. Не даромъ же Бородинское сраженіе назвали «битвою генераловъ». Впослѣдствіи на Бородинскомъ полѣ сожжено слишкомъ 58,000 человѣческихъ тѣлъ и больше 35,000 конскихъ труповъ.

Узнавъ объ огромныхъ потеряхъ, Кутузовъ, въ 11 часовъ вечера, далъ приказаніе отступать къ Можайску, за 10 верстъ отъ Бородина, ближе къ Москвѣ.

Хотя мы и отступили, но послѣ Бородинскаго дѣла положеніе Наполеона стало не лучше, а напротивъ хуже нашего. Онъ былъ на чужой сторонѣ, поубавилось у него войска, и пополнить его нечѣмъ; а мы-то дома и

наше мѣсто свято! Однихъ не стало — другіе найдутся!

Вѣсть объ отступленіи была принята нашими невесело. Еще до разсвѣта войско наше потянулось къ Можайску. Утромъ Наполеонъ, осмотрѣвъ поле сраженія и видя, что наши ушли, приказалъ своему войску идти впередъ.

Наши шли уныло, утѣшая себя надеждой, что подъ Москвой будетъ опять сраженіе. По пути, особенно въ темныя осеннія ночи, вездѣ были видны пожары: крестьяне зажигали свои деревни, скирды хлѣба и стоги сѣна. 1-го сентября войско наше подошло къ Москвѣ.

На Поклонной горѣ, въ 6 верстахъ отъ Москвы, Кутузовъ остановился, сѣлъ на лавку, на краю дороги, и созвалъ генераловъ. Изъ Москвы пріѣхалъ главный ея начальникъ, графъ Ростопчинъ. Главнокомандующій пригласилъ всѣхъ ѣхать за собою въ близлежащую деревню Фили. Тамъ, въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Севастьянова, въ два часа собрался военный совѣтъ. Кутузовъ сѣлъ въ темномъ углу, за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, покряхтывалъ да помалчивалъ. Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумага, собралось много генераловъ. Подъ самыми образами, на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ, съ высокимъ лбомъ и лысой головой, Барклай де-Тол-

ли. Изъ главныхъ начальниковъ были тутъ: Дохтуровъ, Раевскій, Коновницынъ, Ермоловъ, Бенигсенъ, Толь и другіе. Когда всѣ собрались, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и приблизился къ столу, но настолько, что его лицо не было освѣщено поданными на столъ свѣчами. Онъ предложилъ вопросъ: «Спасеніе Россіи—въ арміи. Что выгоднѣе: принять-ли сраженіе, причемъ можно потерять и армію, и Москву,—или отдать Москву безъ сраженія»?

Начались толки. Мнѣнія раздѣлились. Одни говорили, что надо дать сраженіе, другіе—что это невозможно. Долго толковали генералы. Кутузовъ все молчалъ. Наконецъ онъ далъ знакъ и всѣ замолчали. Медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу. «Господа! сказалъ онъ, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной, но я, властію, данною мнѣ моимъ Государемъ и Отечествомъ, я—приказываю отступленіе».

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ, и думалъ, думалъ тяжелую думу.

«Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость», сказалъ ему вошедшій адъютантъ.

«Да нѣтъ же! Будутъ они лошадиное мясо жрать, какъ Турки», не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударяя кулакомъ по столу. Послѣ того всю ночь тосковалъ старикъ и не разъ плакалъ.

Въ Москвѣ былъ толкъ лишь про однихъ Французовъ. Уже за нѣсколько дней жители стали выселяться. Каждый

день тянулись изъ города цѣлые ряды каретъ, колясокъ, повозокъ и телѣгъ, нагруженныхъ всякимъ добромъ. А по Москвѣ-рѣкѣ спускали барки, также нагруженныя разнымъ имуществомъ. Тѣ, которые еще оставались въ Москвѣ, надѣялись, что непріятеля въ Москву не пустятъ.

Графъ Ростопчинъ сталъ печатать афиши, въ которыхъ успокоивалъ жителей, говоря имъ, что нѣтъ никакой опасности. Эти афиши, или объявленія, ходили въ народѣ и ихъ громко читали на улицахъ. Вотъ одно изъ нихъ, слово въ слово: «Свѣтлѣйшій князь, чтобы скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему на помощь, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему отправлено отсюда 48 пушекъ со снарядами, и свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли дѣла: прибрать надобно, а мы своимъ судомъ со злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ, и городскихъ, и деревенскихъ. Я кличъ кликну за два дня, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, недурно съ рогатиной, а всего лучше—вилы-тройчатки: Французъ не тяжеле снопа ржанаго».

Съ 28 по 31 августа вся Москва была въ хлопотахъ и движеніи. Несмотря на афишки Ростопчина, самыя противорѣчивыя, странныя новости передавались по городу. Кто говорилъ о томъ, что не велѣно никому

выѣзжать; кто, напротивъ, разсказывалъ, что подняли всѣ иконы изъ церквей и что всѣхъ высылаютъ насильно; кто говорилъ, что было еще сраженіе, послѣ Бородинскаго, въ которомъ разбиты Французы; другіе, наоборотъ, увѣряли, что все Русское войско уничтожено, что Московское ополченіе пойдетъ, съ духовенствомъ впереди, на Три Горы *). Нѣкоторые потихоньку разсказывали, что пойманы измѣнники; что мужики бунтуютъ и грабятъ тѣхъ, кто выѣзжаетъ... Однимъ словомъ, толкамъ не было конца; а между тѣмъ всѣ чувствовали, хотя и не высказывали этого, что Москва непремѣнно сдана будетъ, что надо какъ можно скорѣе убираться самимъ и спасать свое имущество.

Въ эти три дня суматоха въ Москвѣ была страшная: всѣ спѣшили вонъ изъ города; многіе даже пѣшкомъ уходили, иные съ дѣтьми на рукахъ, иные съ кое-какимъ добромъ. Спасали и купцы свои товары. Въ гостинномъ дворѣ (въ рядахъ) проходу не было: лежатъ на улицѣ тюки, боченки; а еще добрые люди грабить вздумали—благо не до того было, чтобъ мошенниковъ ловить. Да велѣлъ, на бѣду, Ростопчинъ въ кабакахъ винныя бочки разбить. Потекло вино по улицамъ, а негодяи припадутъ къ мостовой и пьютъ, гдѣ бѣжитъ винный ручей. Крикъ, шумъ, драка. Старики говорили: «Не такъ бы народу православному встрѣчать кару Божію! Да ужь видно погибли мы совсѣмъ и подошли послѣднія вре-

*) Близъ Москвы.

мена»! У заставъ такая тѣснота была, что иные тутъ стояли по пяти, по шести часовъ: приказано было казенное добро пропускать впередъ. А тутъ еще народъ сталъ волноваться: «Чтожъ это, молъ, всѣ Москву теперь покидаютъ? Отдаютъ ее безъ защиты Бонапарту»! Такъ даже случалось, что иные выѣхать-то выѣдутъ, а какъ доберутся до деревни, ихъ на ночлегъ никто въ избу не пускаетъ: «Зачѣмъ, молъ, изъ Москвы уѣзжаете? На что ее врагу на разграбленіе отдаете»? А невдомекъ было, что кто въ силахъ былъ, всѣ подъ ружьемъ стояли, а выбирались изъ Москвы старики, женщины да дѣти.

Видитъ графъ Ростопчинъ, что народъ волнуется и сталъ придумывать, чѣмъ-бы его успокоить. Опять же графа еще одно тревожило: лежало въ Кремлѣ множество оружія, и хорошаго, и плохаго; разбирать его да вывозить некогда было, а оставить это добро въ рукахъ непріятеля не приходилось. Вотъ и придумалъ онъ, какъ съ двумя бѣдами разомъ справиться. Уговорилъ онъ московскаго митрополита Платона, который по старости и по болѣзни жилъ на покоѣ около Троицко-Сергіевскаго монастыря, недалеко отъ Москвы,—чтобы пріѣхалъ онъ въ Москву. Вдругъ разнесся слухъ, что митрополитъ въ городѣ и что будутъ служить соборный молебенъ въ Кремлѣ, на Чудовской площади. Устроили амвонъ за колокольней Ивана Великаго и все приготовили для молебствія. Кремль былъ полонъ народа. Когда показалась карета митрополита, всѣ сняли

шапки, а Платонъ высунулся изъ окна и благословлялъ народъ. За нимъ ѣхалъ въ коляскѣ графъ Ростопчинъ. Принесены были иконы и хоругви изъ соборовъ. Митрополитъ не служилъ самъ, по слабости здоровья; а когда отошелъ молебенъ, діаконъ возвѣстилъ, что владыка желаетъ держать рѣчь къ народу, но ему, молъ, говорить тяжело и приказалъ онъ ему, діакону,—благо голосъ у него громокъ,—передать его слова. И сталъ діаконъ говорить отъ имени владыки, чтобъ народъ успокоился, покорился волѣ Божіей и не выходилъ изъ повиновенія у начальства. Митрополитъ плакалъ, и всѣ, глядя на него, плакали. И говорилъ діаконъ: «Владыка желаетъ знать, обѣщаетесь-ли вы слушать его словъ? Которые обѣщаются, пусть на колѣна станутъ». Всѣ разомъ опустились на колѣна и митрополитъ всѣхъ благословилъ. Во все время графъ Ростопчинъ за нимъ стоялъ, а тутъ онъ выступилъ впередъ и сказалъ народу: «Какъ скоро вы покоряетесь волѣ Государя и слову святителя, я объявляю вамъ милость Царскую: не отдадутъ васъ безоружныхъ въ руки непріятеля; позволяю вамъ, именемъ Государя, разобрать оружіе, что лежитъ въ арсеналѣ». Въ толпѣ такъ и загремѣло: «Много благодарны! Дай Богъ многія лѣта Царю»! А Ростопчинъ говоритъ: «Только чтобъ безурядицы не было, нужно порядокъ соблюдать: должны вы входить въ Никольскія ворота, а выходить въ Троицкія. Я прикажу сейчасъ отпереть арсеналъ». Послѣ этого, два діакона посадили митрополита въ карету; толпа проводила его и

тутъ-же вернулась за оружіемъ. Разбирали его нѣсколько дней сряду. Много сабель было заржавленыхъ, много ружей попорченныхъ; къ тому-же и пороху ни у кого не было. Но объ этомъ сгоряча не подумали; рады были только, что оружіе въ рукахъ—все-же пригодится Француза постращать.

Привозили, то и дѣло, раненыхъ въ Москву. Тѣ изъ Москвичей, которые оставались еще въ городѣ, выходили встрѣчать ихъ: всякій свой домъ предлагалъ; приносили имъ корпію, ѣду и питье. А между тѣмъ Москва все пустѣла да пустѣла; куда ни взглянешь—стоятъ дома съ запертыми воротами и затворенными ставнями.

Наступило 1-е сентября. Была веселая, ясная осенняя погода. Было воскресенье. Какъ и въ обыкновенныя воскресенья, благовѣстили къ обѣднѣ во всѣхъ церквахъ. Никто, казалось, еще не могъ понять того, что̀ ожидало Москву. Въ этотъ день фабричные, дворовые и мужики, огромной толпой, въ которую замѣшались чиновники, семинаристы, дворяне, рано утромъ вышли на Три Горы. Постоявъ тамъ и не дождавшись Ростопчина, и убѣдившись въ томъ, что Москва будетъ сдана, эта толпа разсыпалась по Москвѣ, по питейнымъ домамъ и трактирамъ.

А солдаты наши, какъ услыхали приказаніе начальства—отступать, опустили головы; горе ихъ разобрало. Знали они, что ведетъ ихъ Кутузовъ и пошли-бы они за нимъ хоть на дно морское, да легче было-бы имъ лечь головами за родимый городъ, чѣмъ отдавать его врагу. Пуще всего тяжело было идти черезъ самую

Москву—на Рязанскую дорогу! Подѣлилась армія и вошла въ Москву нѣсколькими заставами. Иные полки шли мимо Кремлевскихъ стѣнъ; завидѣвъ ихъ, солдатики перекрестились въ послѣдній разъ передъ святынями и въ рядахъ послышались рыданія. Московскій комендантъ—родомъ Нѣмецъ—получившій приказаніе также вывести изъ города находившійся въ немъ гарнизонный полкъ, выступилъ было съ громкою музыкою, съ намѣреніемъ присоединиться къ арміи, проходившей по улицамъ. Какъ услышали ее наши солдаты, подняли такой крикъ, что начальники бросились къ Московскому гарнизону и прекратили неумѣстную музыку.

Все, что оставалось въ городѣ жителей, выбѣгало на встрѣчу проходившимъ полкамъ—узнать, что новаго? Солдаты сердито отвѣчали имъ: «Выходите съ хлѣбомъ-солью встрѣчать дорогихъ гостей: Французъ у насъ по пятамъ идетъ. Поклонились мы ему матушкой Москвой»!

А между тѣмъ, въ 2 часа пополудни, по Смоленской дорогѣ, версты за три отъ заставы, на Поклонной Горѣ, показался уже на бѣломъ конѣ самъ Бонапартъ. Раскинулась предъ нимъ Москва, вся въ золотѣ и серебрѣ, что невѣста въ брачной одеждѣ. Какъ увидали ее Французы, будто опьянѣли отъ радости. Въ рядахъ раздался крикъ: «Москва! Москва!». Наполеонъ наобѣщалъ имъ горы золотыя, клялся, что они отдохнутъ въ Москвѣ, что найдутъ здѣсь покойныя квартиры, ѣду сытную, питье сладкое и всякое продовольствіе. А что они нашли въ ней? Горе да погибель!

Чтобы дать время Русскому войску выйти изъ Москвы и избѣжать безполезнаго боя на улицахъ, генералъ Милорадовичъ послалъ сказать Французскимъ начальникамъ, что если они нападутъ на насъ въ то время, когда войска наши будутъ проходить черезъ городъ, то онъ будетъ обороняться до послѣдняго человѣка и зажжетъ Москву. Угроза эта подѣйствовала; Французы обѣщали и сдержали свое обѣщаніе: не входить въ городъ, пока не уйдетъ изъ него Русская армія, и сверхъ того выпустить изъ города всѣ военные запасы, какіе еще будутъ оставаться въ немъ до 7 часовъ вечера.

Уже не въ первый разъ приходилось Наполеону въ чужихъ земляхъ въѣзжать побѣдителемъ въ столичные города. Вездѣ встрѣчали его городскія власти съ мольбами о пощадѣ, о милости. Жители выходили на встрѣчу, а самъ онъ и его войско вступали въ городъ съ торжествомъ, находили отдыхъ, удовольствія. и потомъ кончали войну выгоднымъ для Франціи миромъ. Не такой пріемъ готовилъ Наполеону Русскій первопрестольный городъ Москва. Простоявъ попусту цѣлый часъ на Поклонной горѣ, не дождавшись никого изъ городскихъ властей, онъ приказалъ выстрѣлить изъ пушки и по этому знаку войско его двинулось къ городу. У Драгомиловской заставы онъ сошелъ съ лошади и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, думая, что здѣсь, наконецъ, городскія власти встрѣтятъ его какъ слѣдуетъ. Но время проходило, а никто не являлся. Наполеонъ начиналъ терять тер-

пѣнье. Шаги его становились неровны; онъ оглядывался по сторонамъ, хмурился, снималъ и надѣвалъ перчатки, вынималъ и мялъ въ рукахъ носовой платокъ. Наконецъ, онъ послалъ своихъ офицеровъ съ приказаніемъ привести къ нему Московскихъ бояръ. Напрасны были всѣ поиски: на улицахъ Москвы было пусто; жителей въ ней оставалось всего тысячъ десять, да и тѣ отъ страха прятались по угламъ. Французскимъ офицерамъ удалось, наконецъ, собрать нѣсколько иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, и въ томъ числѣ книгопродавца — Француза. Всѣхъ ихъ привели къ Наполеону. «Кто вы?» обратился Наполеонъ къ книгопродавцу.— «Французъ, поселившійся въ Москвѣ».—«Значитъ, мой подданный. Гдѣ Сенатъ»?—«Выѣхалъ».—«А губернаторъ»?—«Выѣхалъ».—«Гдѣ народъ»?—«Нѣтъ и народа». — «Кто-же здѣсь»? — «Никого». — «Быть не можетъ»!—«Клянусь вамъ честью»!—«Молчи»! сказалъ Наполеонъ, и самъ замолчалъ и нахмурился. Сѣвъ на лошадь, онъ скомандовалъ войску: впередъ!—и поѣхалъ въ Москву. На улицахъ было пусто и глухо. Гвардія заняла Кремль, а онъ самъ остался до утра въ Драгомиловской слободѣ, на постояломъ дворѣ. Это было 2-го сентября, ровно чрезъ недѣлю послѣ Бородинскаго боя. На другой только день онъ отправился въ городъ и поселился въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Французскіе солдаты, хотя оборванные и голодные, вступили въ Москву еще въ стройномъ порядкѣ. Это было усталое, истощенное, но все-таки боевое и грозное вой-

ско, уменьшенное, правда, на треть противъ прежняго своего боеваго состава. Но какъ только солдаты этого войска разошлись по квартирамъ—по пустымъ и богатымъ домамъ, въ которыхъ они хватали все, что попадалось имъ подъ руку,—такъ образовались изъ этого войска толпы грабителей и никто уже не могъ съ ними сладить. Каждый изъ нихъ думалъ только о своей наживѣ, не слушался начальниковъ и, казалось, забывалъ о томъ, для чего привели его въ этотъ чужой и богатый городъ. Много было еще богатства въ Москвѣ, и какъ ни старались Москвичи ничего не оставить въ добычу непріятелю, но въ нѣсколько дней не было никакой возможности вывезти все имущество изъ такого огромнаго города.

Въ ночь на 3-е сентября надъ Москвою показалось пламя и огромное зарево освѣтило темное осеннее небо. Горѣло на Замоскворѣчьѣ и въ Китай-городѣ. На утро загорѣлись гостинный дворъ, что противъ самаго Кремля, и каретный рядъ. Показался огонь и въ другихъ мѣстахъ; къ вечеру всѣ пожары слились въ одинъ и потекло по всей Москвѣ огненное море. Поднялся такой сильный вѣтеръ, что едва можно было держаться на ногахъ. Горѣли церкви и дома, горѣли мосты и суда на Москвѣ-рѣкѣ. Изъ оконъ Кремлевскаго дворца Наполеонъ смотрѣлъ, какъ пламя истребляло Москву. «Москвы нѣтъ больше!—говорилъ онъ—Русскіе сами зажигаютъ!.. Что за народъ»! Самому Наполеону стала грозить опасность. Онъ не могъ уже стоять у оконъ: сте-

кла трещали и лопались. Нѣсколько разъ загоралось въ Кремлѣ, но Французы тушили огонь на сколько могли. Имъ невыгодно было жечь Москву: это значило-бы себѣ-же могилу рыть. Мало того, что они не жгли ее, а кого изъ нашихъ заподозрятъ въ поджогѣ, тѣхъ схватятъ и повѣсятъ, либо разстрѣляютъ. Разъ привели Французскіе солдаты къ Страстному монастырю нѣсколько человѣкъ изъ Русскихъ, крича, что они поджигатели. Тутъ же на мѣстѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ разстрѣляли, а остальныхъ повѣсили, да тутъ и оставили тѣла, другимъ для острастки.

До сихъ поръ думаютъ, что Москву нарочно сожгли сами Русскіе. Полно, такъ-ли это? Отчасти, можетъ быть, это и такъ, но не совсѣмъ. Много было бѣды отъ неосторожности. Французы разбрелись по всему городу, куда попало; ѣду себѣ готовили. Вѣдь они какъ? Зайдутъ куда въ домъ, обшарятъ погреба и кладовыя, изготовятъ себѣ обѣдъ, наѣдятся, да и были таковы! А ужь тутъ не жди, чтобы они огонь погасили, ихъ дѣло не хозяйское! Къ тому-же графъ Ростопчинъ, предъ вступленіемъ Французовъ, приказалъ каторжниковъ въ Нижній отправить, а которыхъ отправить не успѣли,—тѣхъ пришлось выпустить изъ тюрьмы; такъ они тоже на грабежъ бросились. Можетъ, у нихъ рука и на поджогъ не дрогнула: грабить имъ безъ пожара было неудобно, потому что въ богатыхъ домахъ оставалась прислуга и не выдала-бы господскаго добра, а горитъ домъ, такъ подъ шумокъ-то грабить легко. Ко всему

этому, поднялась еще буря: если-бы не страшный вѣтеръ, можетъ быть, треть Москвы не выгорѣла бы.

Увидавъ, что вокругъ Кремля все горѣло, что даже во дворцѣ нельзя было дышать отъ дыма, генералы собрались къ Наполеону и стали его упрашивать, чтобы онъ выѣхалъ изъ Москвы. Сначала онъ упрямился, показать имъ не хотѣлъ, что самого его страхъ разбираетъ; да увидѣлъ наконецъ, что дѣлать больше нечего. Вышли они изъ дворца и не знаютъ, куда броситься. Имъ показалось, что они совсѣмъ пропали со своимъ Императоромъ: выхода нѣтъ! Въ какія ворота ни сунутся, вездѣ горитъ! Наконецъ, спустились они въ Тайницкія ворота, что подъ горой, около Москвы-рѣки, и пробрались въ какой-то переулокъ, да дороги не знаютъ—и сбились совсѣмъ: справа горитъ, слѣва горитъ; мостовая такъ раскалилась, что обувь тлѣетъ. Идутъ они, сами не зная куда, и руками закрываютъ глаза, а руки всѣ обожжены. На ихъ счастье, услышали они голоса: ихъ-же солдаты были гдѣ-то недалеко. Генералы ихъ окликнули; они прибѣжали и провели своего Императора къ Тверской заставѣ. Оттуда Наполеонъ, со своими провожатыми, дошелъ до Петровскаго дворца и оставался тамъ трое сутокъ. До сихъ поръ показываютъ комнату, въ которой онъ тамъ жилъ. Этимъ временемъ пожаръ утихъ, потому что вся почти Москва выгорѣла, и Наполеонъ вернулся въ Московскій дворецъ, такъ какъ Кремль уцѣлѣлъ. Между тѣмъ, войско требовало продовольствія, а кормить его было нечѣмъ,

потому что провіанта не подвозили, да и ждать его было не откуда,—только однимъ грабежомъ и пробавлялись. Одна надежда была у Наполеона, что нашъ Царь согласится заключить съ нимъ миръ; а покамѣсть потѣшалъ онъ всячески своихъ солдатъ, чтобы не очень роптали. Театръ велѣлъ имъ устроить; играли въ немъ Французскіе актеры—что жили давно уже въ Москвѣ. Не изъ чего имъ было платье сшить для представленія, такъ они поповскую ризу гдѣ-нибудь стащутъ, да на одежду себѣ перекроятъ. Забавлялись солдаты представленіями, да соловья баснями не накормишь. Надо было достать хлѣба. Вотъ и приказалъ Наполеонъ объявить по окреснымъ селамъ, откуда не всѣ еще крестьяне выбрались, что если они будутъ доставлять съѣстные припасы въ Москву, то получатъ хорошую плату. Многіе за грѣхъ считали на деньги покорыстоваться да непріятеля хлѣбомъ-солью снабжать, а нашлись и такіе, которые польстились на эти обѣщанія, привезли хлѣба и точно—получили за него деньги. Что-же оказалось? Бонапартъ надѣлалъ фальшивыхъ Русскихъ ассигнацій, да ими и расплачивался! Какъ догадались наши мужички, въ чемъ штука, охотниковъ продавать свое добро за фальшивыя деньги уже не нашлось.

Наполеонъ старался ублажать и Русскихъ, оставшихся въ Москвѣ, чтобы еще больше не озлобить ихъ противъ себя. Вздумалъ онъ порядки всякіе въ городѣ вводить и приказалъ духовенству совершать въ уцѣлѣвшихъ церквахъ богослуженіе. Изъ многихъ церквей бы-

ла вся утварь вывезена, а многія были ограблены и осквернены: непріятели спасались въ нихъ отъ пожара и ставили въ нихъ своихъ лошадей. Однако, въ нѣсколькихъ церквахъ собрали кое-какъ утварь и стали совершать службу. На Замоскворѣчьѣ, у Петра и Павла, въ первый разъ отслужили на Іоанна Богослова молебенъ съ водосвятіемъ. Тѣ, которые по близости жили и услыхали какъ загудѣлъ въ первый разъ колоколъ, не помня себя отъ радости, всѣ, кто въ силахъ былъ, побрели въ церковь. Когда отворились Царскія двери и вышелъ изъ алтаря священникъ съ Крестомъ и Евангеліемъ, весь народъ упалъ ницъ. А когда во время водосвятія запѣли на клиросѣ: «Спаси, Господи, люди Твоя!», всѣ стояли на колѣнахъ и вторили хоромъ молитвѣ; а потомъ ужь и словъ молитвы не слышно было за плачемъ и рыданіями, когда запѣли: «Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ!». Матери подымали на рукахъ грудныхъ младенцевъ къ иконѣ и громко взывали: «Пресвятая Дѣва! спаси невинныхъ дѣтей»! Голосъ оборвался отъ слезъ у діакона, когда онъ на эктеньѣ упомянулъ о царствующемъ градѣ.

Наполеонъ жилъ полнымъ хозяиномъ въ Москвѣ. Назначилъ онъ губернатора, полицеймейстера и другихъ полицейскихъ чиновниковъ—все изъ Французовъ. Объѣзжалъ иногда верхомъ городъ, чтобъ посмотрѣть, все-ли въ порядкѣ; а какіе ужь тутъ порядки, когда однѣ развалины да пепелъ, да голь бродящая безъ

пристанища? Когда Французы только вступали еще въ Москву, начальникъ Воспитательнаго дома, генералъ Тутолминъ, отправился къ одному изъ Французскихъ генераловъ и объяснилъ ему, что, молъ, «у меня въ заведеніи нѣсколько тысячъ дѣтей, потому что не успѣли ихъ вывезти, да и некуда ихъ было дѣть, такъ не дадите ли мнѣ стражу?».

Ему дали Французскій караулъ. Вотъ ѣдетъ разъ Наполеонъ по Москвѣ и видитъ громадный домъ, уцѣлѣвшій отъ пожара. «Что это за строеніе»?—Ему объяснили, что это Воспитательный домъ и что по распоряженію его генераловъ тутъ караулъ стоитъ и остался при заведеніи Русскій генералъ: не хотѣлъ дѣтей покинуть. Наполеонъ потребовалъ его къ себѣ въ Кремль. Когда явился Тутолминъ, Наполеонъ сталъ его благодарить, что онъ честно исполнилъ свою должность. «Напишите вашему Императору—прибавилъ онъ—что не я жегъ Москву, а его же подданные истребили столицу; я же пощадилъ бы ее». И какой бы плѣнный, изъ важныхъ, ни попадался ему, онъ отпускалъ его и тоже приказывалъ дать знать нашему Царю, что «я де Русскимъ вреда не дѣлаю и желаю жить въ мирѣ». Эти слова доходили до Царя, да только онъ пропускалъ ихъ мимо ушей, потому что съ Бонапартомъ мириться не хотѣлъ.

Французамъ однако плохо приходилось въ раззоренной Москвѣ. Всѣ съѣстные припасы, какіе еще оставались въ городѣ, они поѣли; продовольствія ни откуда

не привозили—пришлось имъ голодать. Вотъ и стали они разсылать партіи солдатъ грабить подмосковныя деревни. Крестьяне этихъ деревень, заслышавъ Французовъ, забирали все свое имущество и удалялись съ нимъ въ лѣсъ. Такъ поступили и жители одной подмосковной деревни. Пробыли они въ лѣсу около недѣли, наконецъ соскучилось имъ сидѣть въ глуши и они рѣшились узнать, что происходитъ въ ихъ деревнѣ. Послали они туда одного восьмидесятилѣтняго старика, сказавъ ему: «Тебѣ, дѣдушка, и такъ недолго остается жить; убьютъ тебя злодѣи—не велика бѣда»! Старикъ послушался ихъ, подошелъ къ деревнѣ и, увидѣвъ, что въ ней Французы, кинулся назадъ въ лѣсъ. Но они его примѣтили, схватили, привели въ избу и начали допрашивать. Старикъ отговорился тѣмъ, что не понимаетъ ихъ. Привели переводчика, Поляка, который спросилъ его: гдѣ крестьяне, куда дѣвали они свои пожитки? Старикъ притворился глухимъ. На всѣ вопросы Поляка отвѣчалъ онъ: «Я крѣпокъ на ухо, не слышу»! Полякъ кричалъ, что есть мочи; старикъ просилъ, чтобъ онъ говорилъ громче, указывая на ухо. Начали его бить, таскать по полу; онъ не переставалъ кричать со слезами: «Воля ваша, господа, не слышу! Говорите громче»! Потомъ поставили его въ уголъ и стали колоть въ грудь штыкомъ. Старикъ остался твердъ; ожидая смерти, крестился и молилъ Бога, да приметъ его душу, а непріятелей продолжалъ увѣрять, что не слышитъ ихъ. Наконецъ они

ему повѣрили и, наплевавъ ему въ лицо, вытолкали его изъ избы и изъ деревни выгнали. Старикъ дотащился до лѣсу и, найдя своихъ, предупредилъ ихъ, чтобы не ходили въ деревню. Чуть не умеръ онъ отъ ранъ, однако выздоровѣлъ-таки, старина, и крестьяне потомъ показывали его всѣмъ проѣзжимъ, называя его своимъ отцомъ и благодѣтелемъ.

Случалось Французамъ выходить изъ города для грабежа малыми партіями. Завидя ихъ, крестьяне выходили противъ нихъ съ вилами и топорами—и не было тогда пощады супостатамъ: многихъ изъ нихъ убивали, а остальныхъ преслѣдовали до самыхъ воротъ Москвы. Раздраженные такимъ сопротивленіемъ, Французы рѣшились устрашить народъ жестокостью. Посланный ими на добычу отрядъ изъ тысячи человѣкъ захватилъ въ ближайшихъ отъ города деревняхъ человѣкъ до двадцати крестьянъ и привелъ ихъ въ городъ. На другой день плѣнники были отданы подъ военный судъ, который приговорилъ ихъ къ смерти. Приговоръ былъ переведенъ на Русскій языкъ и прочтенъ крестьянамъ. Офицеры, которымъ было поручено исполненіе этого приговора, ожидали, что крестьяне для спасенія своей жизни будутъ просить о помилованіи, унижаться и плакать. Но вышло не такъ. Не совершившіе никакого преступленія, въ которомъ ихъ обвиняли, крестьяне съ спокойною совѣстью простились другъ съ другомъ, отправились на мѣсто казни и тамъ, поставленные рядомъ, были разстрѣливаемы поодиночкѣ.

Остававшіеся смотрѣли на умерщвленіе братьевъ своихъ безъ всякаго ужаса. Каждый изъ нихъ, видя, что дошла до него очередь, крестился и говорилъ: «Помилуй меня, Господи! Прощайте, добрые люди!»—и падалъ къ ногамъ своихъ палачей, не испустивъ ни жалобы, ни вздоха.

Однажды небольшой отрядъ Французовъ, съ одною пушкою, отправленъ былъ на Калужскую дорогу, съ приказаніемъ сжечь одну деревню, изъ которой молодые парни часто врасплохъ нападали на отдѣльныя шайки грабителей и убивали ихъ. Солдаты, подойдя къ деревнѣ, прежде чѣмъ исполнить данное имъ порученіе, вздумали ограбить ее и, бросивъ пушку одну на полѣ, бросились всѣ по домамъ за добычею. Одинъ изъ крестьянъ, выбѣжавъ изъ деревни и увидѣвъ, что при пушкѣ нѣтъ никого, сѣлъ на нее верхомъ, ударилъ по лошадямъ и прискакалъ съ пушкой въ Русскій лагерь. Кутузовъ за это наградилъ его солдатскимъ георгіевскимъ крестомъ.

Время шло между тѣмъ, и съ каждымъ днемъ Французамъ становилось труднѣе и труднѣе. Однимъ грабежомъ долго жить нельзя, а другихъ средствъ кормиться у нихъ не было. Да и обносились они порядкомъ; особенно поистаскались у нихъ сапоги, въ Москвѣ же весь сапожный матерьялъ или сгорѣлъ, или былъ вывезенъ. Но главная бѣда ихъ была въ томъ, что, проведя слишкомъ мѣсяцъ въ Москвѣ, солдаты привыкли къ своевольству и грабежу, и отвыкли отъ строгаго

повиновенія начальству. Главная ихъ забота состояла теперь въ томъ, чтобы поживиться чужимъ добромъ, нахватать его какъ можно болѣе и увезти съ собою. Положеніе Французской арміи сдѣлалось ненадежнымъ еще и потому, что, удаленная за нѣсколько тысячъ верстъ отъ отечества, она могла лишиться возможности сообщеній съ нимъ и не должна была расчитывать ни на какія подкрѣпленія.

Наполеонъ видѣлъ все это очень ясно, а потому уже съ первыхъ чиселъ октября началъ дѣлать приготовленія къ отступленію и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ одного изъ своихъ генераловъ сначала къ Кутузову, а потомъ въ Петербургъ къ самому Государю, съ предложеніемъ о мирѣ. Онъ крѣпко надѣялся, что Государь приметъ предложеніе и радъ будетъ окончить войну со своимъ непобѣдимымъ противникомъ. Въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, онъ не могъ рѣшиться оставить Москву. Но отвѣтъ не приходилъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе о большомъ сраженіи, въ которомъ Русскіе взяли верхъ, а Французы отступили. Это убѣдило наконецъ Наполеона въ томъ, что Русскіе, несмотря на попытку его примириться, не думаютъ о мирѣ, а напротивъ усиливаются и хотятъ продолжать войну. Онъ почувствовалъ, что не должно было терять ни одной минуты, чтобы выйти изъ гибельнаго положенія, въ которое поставлена была его армія, и рѣшился—уйти изъ Москвы! Рано утромъ 7 октября выѣхалъ Наполеонъ изъ Москвы черезъ Калужскую заставу и за нимъ потянулось его войско.

Силы его были еще очень велики. Всего непріятельскаго войска выступило изъ Москвы до 105,000 человѣкъ. На протяженіи слишкомъ 30 верстъ шли непріятели и вмѣстѣ съ ними тянулось слишкомъ 10,000 разнаго рода повозокъ. Тутъ были женщины, дѣти, больные и раненые, съѣстные припасы и всякое добро, награбленное въ Москвѣ. Нѣсколько дней послѣ отъѣзда Наполеона, въ Москвѣ оставался еще одинъ отрядъ его войска. Начальнику этого отряда приказано было, покидая городъ, зажечь Кремлевскій дворецъ, взорвать Кремль и истребить всѣ уцѣлѣвшія еще казенныя строенія, кромѣ Воспитательнаго дома, гдѣ оставалось много раненыхъ Французовъ. Этимъ Наполеонъ хотѣлъ отмстить Императору Александру за свои неудачи, за то молчаніе, которымъ Государь отвѣчалъ на предложеніе его—помириться!

11-го октября, послѣ полудня, двинулся изъ Москвы послѣдній Французскій отрядъ, а ночью надъ Кремлемъ показалось зарево и послышался страшный грохотъ. Это взорвало первый подкопъ подъ Кремль. Затѣмъ послышались еще четыре взрыва. Къ счастью, второпяхъ Французы успѣли взорвать только 5 подкоповъ и потому уцѣлѣли въ Кремлѣ храмы и только обрушилась пристройка къ колокольнѣ Ивана Великаго.

На другой день отрядъ нашего войска вступилъ въ опустѣвшую и обгорѣвшую Москву. На огромномъ пепелищѣ, среди котораго валялись падаль и человѣческіе трупы, кое-гдѣ бродили отставшіе отъ своихъ пьяные

непріятели. Вечéромъ начальникъ Тверскаго ополченія первый занялъ Кремль. Тамъ еще догорали дворецъ и другія зданія. Въ одной огромной грудѣ лежали: кирпичи, камни, балки, колокола и кресты. На колокольнѣ Ивана Великаго не было креста: его приказалъ снять и увезъ съ собою Наполеонъ. Въ Кремлевскихъ соборахъ стекла и рамы были выбиты взрывомъ, а внутри была грязь, образа были ободраны и разбросаны по полу. Вокругъ Успенскаго собора стояли горны, въ которыхъ непріятели плавили награбленное золото и серебро. На Царскомъ мѣстѣ въ соборѣ было записано мѣломъ: 325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота. Нѣкоторыя Кремлевскія башни и часть стѣнъ лежали въ развалинахъ.

Въ такомъ положеніи находилась Москва въ первые дни по выходѣ изъ нея непріятеля!

Когда Кутузову донесли, что Наполеонъ оставилъ Москву, онъ заплакалъ и, обратясь къ образу Спасителя, сказалъ: «Боже, Создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей; съ этой минуты Россія спасена»!

Гдѣ же была и что дѣлала Русская армія въ то время, когда Французы проживали въ Москвѣ, грабили ее и устраивали театральныя представленія?

Мы видѣли, какъ генералъ Милорадовичъ — спасибо ему—удержалъ непріятеля у самыхъ воротъ Москвы,

угрозой сжечь ее и биться не на животъ, а на смерть, пока всѣ Русскія войска не выйдутъ изъ города.

Итакъ, когда Французы вошли въ Москву, нашихъ и слѣдъ уже простылъ. Непріятель не зналъ, куда дѣвалась наша армія, въ какую сторону она пошла, и какъ ни старался Наполеонъ узнать о томъ, ему не удалось: генералы его совсѣмъ потеряли ее изъ виду.

А Кутузовъ думалъ себѣ такъ: Не пойдетъ Наполеонъ на Петербургъ. Край небогатый; чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ холоднѣе, а зима уже недалека и войско его, не имѣя теплой одежды, прежде чѣмъ дойдетъ до столицы, успѣетъ замерзнуть на дорогѣ. Нѣтъ, надо не пускать его въ южныя наши губерніи, богатыя продовольствіемъ и гдѣ зима становится позднѣе. Если войско его тамъ отдохнетъ, да усилится новыми подкрѣпленіями, да пройдетъ тѣмъ временемъ зима, труднѣе будетъ съ нимъ справиться, не выжить будетъ его, и новая война начнется весною.

Поэтому нашъ главнокомандующій велѣлъ отступать къ югу, по Рязанской дорогѣ. По вѣдь не одна эта дорога ведетъ въ южныя губерніи: есть еще дороги на Калугу, на Тулу, а недалеко отъ Тулы есть большіе казенные оружейные заводы, и бѣда если непріятель завладѣетъ ими.

Это заставило Кутузова, сдѣлавъ по Рязанской дорогѣ только два перехода, чтобы обмануть непріятеля, круто поворотить на Калужскую, съ которой, въ случаѣ надобности, легко было защищать и Тулу съ ея

оружейными заводами, и, кромѣ того, можно было отдѣльными отрядами препятствовать сообщеніямъ непріятеля по Смоленской дорогѣ. Тутъ нашлось удобное мѣсто для лагеря, и 20-го сентября Кутузовъ расположился со всѣмъ своимъ войскомъ, въ которомъ считалось еще до 75,000 человѣкъ, у села Тарутина, въ 80 верстахъ отъ Москвы. «Теперь,—сказалъ онъ,—ни шагу назадъ»! На крутомъ берегу рѣки Нары, подъ Тарутинымъ, раскинулся большой укрѣпленный лагерь. Здѣсь наше войско простояло три недѣли и за это время успѣло отдохнуть и собраться съ силами. Въ лагерѣ всего было довольно: всякіе запасы приходили сюда цѣлыми обозами; купцы приказывали своимъ приказчикамъ продавать все по самой дешевой цѣнѣ. Солдаты получили на зимнее время валенки и тулупы. Устроены были бани, чтобы солдаты могли обмыться въ нихъ послѣ тяжелаго четырехмѣсячнаго похода. Отовсюду приходили подкрѣпленія и молодыхъ солдатъ спѣшили обучить строю, особенно стрѣльбѣ въ цѣль. Нерѣдко изъ сосѣднихъ губерній приходили подъ Тарутино крестьяне и крестьянки повидаться съ родными. «Только дай намъ, батюшка, пики,—говорили женщины,—то и мы пойдемъ на Француза».

Расположившись подъ Тарутинымъ, Кутузовъ не упускалъ изъ вида непріятеля. Ему хотѣлось, чтобы Наполеонъ подольше пробылъ въ Москвѣ, и потому онъ распускалъ слухи, будто войско наше разстроено и терпитъ нужду во всемъ, будто онъ поссорился съ казац-

кимъ атаманомъ Платовымъ и подозрѣваетъ его въ измѣнѣ. А Платовъ не только не думалъ измѣнять, а привелъ съ Дону 26 казачьихъ полковъ. Въ разныя стороны были посланы небольшіе конные отряды, подъ начальствомъ самыхъ удалыхъ офицеровъ. Они быстро переносились съ мѣста на мѣсто и, какъ снѣгъ на голову, нападали на непріятелей, когда тѣ удалялись отъ Москвы за съѣстными припасами. На дорогѣ изъ Смоленска въ Москву такіе летучіе отряды забирали непріятельскіе обозы, пушки, перехватывали гонцовъ къ Наполеону и отъ него. Военные называли это малою войною, а летучіе отряды назывались — партизанскими. Они начали свои дѣйствія съ начала сентября. Изъ предводителей ихъ отличались Давыдовъ, Сеславинъ, Кудашевъ, Фигнеръ, особенно послѣдній. Это былъ красивый, крѣпкій мужчина, 24 лѣтъ, съ свѣтлыми глазами, съ круглымъ, бѣлымъ лицомъ. Онъ умѣлъ говорить по-французски, какъ настоящій Французъ, и пользовался этимъ, чтобы вредить непріятелю. Со своимъ отрядомъ онъ подходилъ иногда къ самой Москвѣ. Спрятавъ своихъ удальцовъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, онъ одѣвался Французскимъ офицеромъ и отправлялся къ непріятельскимъ передовымъ отрядамъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ дѣлалъ выговоръ Французскимъ разъѣздамъ за оплошность, говоря, что по близости показался отрядъ казаковъ; въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что такую-то деревню занимаютъ Русскіе и что надо идти за съѣстными припасами въ другую сторону. Такъ онъ развѣды-

валъ о положеніи непріятелей, наводилъ ихъ на свой отрядъ и потомъ истреблялъ.

Скоро имя Фигнера стало извѣстно Французамъ и тому, кто поймаетъ или убьетъ его, обѣщана была большая награда. Наполеонъ выслалъ противъ него на Смоленскую дорогу нѣсколько полковъ съ пушками. Фигнеръ не унывалъ. Разъ, онъ налетѣлъ на лагерь одного Французскаго полка, ранилъ полковника и взялъ въ плѣнъ его самого и 50 солдатъ. Почти каждый день забиралъ онъ по 200, 300 плѣнныхъ. Правда, и самому ему приходилось иногда плохо, да умѣлъ онъ ловко ускользать отъ бѣды. Однажды стоялъ онъ со своими солдатами въ лѣсу. Французы окружили его съ трехъ сторонъ, а съ четвертой стороны было болото, такъ что уйти было некуда. Но, къ счастію, непріятель очень умаялся, гоняясь за нимъ по проселочнымъ дорогамъ; ночь уже подходила, и расположились Французы поужинать да отдохнуть, думая, что Фигнеръ отъ нихъ не уйдетъ. А Фигнеръ говоритъ своимъ солдатамъ: «Вздоръ! не сдадимся мы Французамъ; перебить ихъ нельзя, такъ перехитрить можно. Я васъ всѣхъ выручу»! Взялъ онъ шестъ да и пустился по болоту: гдѣ ему кочки помогутъ, гдѣ шестъ его выручитъ. Выбрался онъ благополучно на поляну, добѣжалъ до перваго села и всѣхъ мужиковъ на ноги поставилъ: «Живо—говоритъ—надо своихъ спасать». Приказалъ онъ крестьянамъ набрать досокъ, соломы, хворосту и повелъ ихъ къ болоту. Живо устроили они гать, всѣ Фигнеровскіе люди по ней

прошли и лошадей своихъ провели. «А теперь—говоритъ Фигнеръ—раззоримъ нашу переправу: все убрать, чтобъ погони за нами не было». Какъ проснулись Французы да увидѣли, что Фигнера съ отрядомъ въ лѣсу уже нѣтъ, придумать не могли—куда онъ дѣвался. Пробовали было переходить болото, но лошади ихъ и сами они вязли тамъ по уши. А Фигнера уже и слѣдъ простылъ.

Много разъ выручала его удалая храбрость, а все-таки кончилъ онъ тѣмъ, что положилъ голову на службѣ родной землѣ.

Вмѣстѣ съ летучими отрядами, дѣйствовали противъ непріятеля и сами жители. Всѣ они, въ Московской и Смоленской губерніяхъ, возстали поголовно. Крестьяне, спрятавъ свои семейства и пожитки въ лѣсахъ, составляли партіи или дружины, выбирая предводителями отставныхъ солдатъ. Въ селеніяхъ у околицъ ставили караулы, а на колокольняхъ—часовыхъ, и какъ только показывался непріятель, били въ набатъ. Тогда собирались крестьяне и, если непріятелей было немного, дѣлали на нихъ нападеніе, а иначе—уходили въ лѣсъ. Иной былъ съ косой на длинномъ древкѣ, другой со штыкомъ, прикрученнымъ къ дубинѣ, а иной—съ рогатиной. Непріятелямъ, даже безоружнымъ, если только они попадались въ руки крестьянамъ, не было пощады. «Сперва—говорилъ одинъ крестьянинъ—мы боялись бить Французовъ, чтобъ насъ не потащили на судъ.

Ну, а ужь какъ пришелъ приказъ изъ Губернскаго, и исправникъ сказалъ: «ребята, бей Француза на пропалую»,—тогда-то мы дали себя знать! Можно-ль, батюшка, стерпѣть? Вѣдь посмотри, какъ запаскудилъ, окаянный, храмы Божіи, и Москву-то раззорилъ, злодѣй»!.. Нерѣдко жители нѣсколькихъ селеній давали другъ другу клятву—истреблять Французовъ и крѣпко стоять другъ за друга. Малѣйшая поблажка врагу считалась измѣной. Между Смоленскими поселянами-воинами былъ извѣстенъ по смѣлости и необыкновенной тѣлесной силѣ бурмистръ сельца Левшина, Сычевскаго уѣзда. Однажды человѣкъ 30 Французовъ зашли въ это сельцо и расположились въ избѣ для отдыха. Узнавъ о томъ, бурмистръ послалъ созвать народъ, а самъ, съ помощью одного крестьянина, подкрался къ избѣ и приперъ двери. Враги испугались, стали стрѣлять сквозь дверь и смертельно ранили храбраго бурмистра. Народъ сбѣжался, сталъ грозить Французамъ зажечь избу и заставилъ ихъ сдаться. Бурмистръ, умирая, завѣщалъ своимъ товарищамъ не мстить за его смерть и пощадить плѣнныхъ враговъ.

Въ числѣ Смолянъ прославился своимъ геройскимъ подвигомъ помѣщикъ, отставной полковникъ Энгельгардтъ. Онъ со своими крестьянами много способствовалъ истребленію непріятелей. Вѣсть объ этомъ дошла до Смоленска, занятаго еще Французами. Они схватили Энгельгардта и присудили къ смертной казни; но, предъ исполненіемъ этого жестокаго приговора, стали уговаривать

его вступить во Французскую службу, предлагая за измѣну чинъ полковника. Энгельгардтъ съ презрѣніемъ отвергнулъ это предложеніе и, сорвавъ платокъ, которымъ завязали ему глаза, воскликнулъ: «Стрѣляйте въ меня»! Желая поколебать его мужество, Французы сперва нанесли ему рану въ ногу, но когда онъ и на вторичныя предложенія—служить врагу отечества—отвѣтилъ отказомъ, они выстрѣлили въ него залпомъ. Послѣ этого несчастный мученикъ еще дышалъ, и одинъ солдатъ, зарядивъ снова ружье, добилъ его.

Крестьянинъ Московской губерніи, Герасимъ Курикъ, поднялъ противъ Французовъ цѣлую волость. Поселяне вооружились кто чѣмъ могъ и выбрали Курика себѣ въ начальники, по его особой расторопности и смѣлости. Волость эта—Вохненская—уничтожила множество враговъ и вступала съ ними въ настоящія сраженія. Такъ, однажды, Французы послали въ село Павлово, для сбора съѣстныхъ припасовъ, довольно сильный отрядъ. Часть его вошла въ село, а другая осталась на сторожѣ у выѣзда. Курикъ раздѣлилъ свою дружину на нѣсколько частей и устроилъ засады. Французскій командиръ, въѣхавъ въ село, потребовалъ муки, крупъ и овса. Курикъ отвѣчалъ, что тотчасъ всѣ припасы будутъ выданы, заманилъ непріятелей въ одинъ изъ крестьянскихъ дворовъ, приказалъ завалить ворота и, окруживъ дворъ своими ратниками, истребилъ враговъ почти до послѣдняго человѣка. Въ то же время другой отрядъ кресть-

янъ расправился съ тѣми Французами, которые оставались за селомъ.

Такимъ образомъ Наполеоновы полчища вынуждены были сражаться не только съ Русскими арміями, но со всѣмъ Русскимъ народомъ, на каждомъ шагу, при каждой встрѣчѣ. Не мудрено, если ихъ не хватило на это... Вотъ почему война 1812 года и называется отечественною или народною.

Между тѣмъ наша армія, отдохнувъ и успѣвшись въ Тарутинѣ, еще во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, первая возобновила военныя дѣйствія съ передовыми непріятельскими войсками, находившимися южнѣе Москвы, подъ начальствомъ свояка Наполеонова, котораго онъ пропзвелъ въ короли. 6-го октября, у Тарутина, наши генералы напали на Французовъ, которыхъ было до 50 тыс. человѣкъ и, послѣ упорнаго боя, разбили ихъ и опрокинули. При этомъ было захвачено много плѣнныхъ, 38 пушекъ и огромный обозъ. Эта первая рѣшительная побѣда Русскаго оружія была началомъ будущихъ успѣховъ. За это сраженіе Государь пожаловалъ Кутузова золотой шпагой съ лавровымъ вѣнкомъ и щедро наградилъ всѣ войска, участвовавшія въ бою.

Мы уже знаемъ, что Наполеонъ получилъ извѣстіе объ этомъ пораженіи въ послѣдній день своего пребыванія въ Москвѣ. Оно такъ опечалило его, что онъ велѣлъ на другой-же день выступать изъ Москвы. Много было разныхъ предположеній: что дѣлать и

куда идти? Наполеонъ выбралъ путь на Калугу, думая вступить въ бой съ Кутузовымъ и, въ случаѣ успѣха, остаться на зиму въ Калугѣ, а если проиграетъ сраженіе—отступать по цераззоренной еще странѣ, за Днѣпръ. Но его смутило то, что Русскіе уже не только оборонялись, но стали наступать и тѣмъ какъ бы показывали, что силы ихъ окрѣпли и значительно увеличились. А между тѣмъ Французская армія, хотя еще грозная числомъ и прежней славой, была въ плохомъ состояніи. Даже лучшая ея часть, стоявшая въ Москвѣ, по выходѣ оттуда 7-го октября, скорѣе походила на безпорядочную толпу обремененныхъ имуществомъ переселенцевъ, чѣмъ на стройное войско. Огромные обозы, нагруженные, вмѣсто съѣстныхъ припасовъ, награбленнымъ добромъ, затрудняли походъ; тощія лошаденки конницы едва тащили ноги подъ тяжестью вьюковъ; солдаты изнемогали отъ тяжести ранцевъ, наполненныхъ добычей. Все это не обѣщало ничего хорошаго, служило къ развращенію солдатъ и разстройству полковъ. Наполеонъ, уѣзжая изъ Москвы, хотя и сказалъ: «я быть можетъ еще возвращусь сюда», но этому никто не повѣрилъ, и вотъ почему всякій старался захватить съ собою всю награбленную добычу. Наполеонъ, дѣйствительно, и мысли не имѣлъ о возвращеніи въ Москву, что и доказало его распоряженіе—жестокое и безполезное—взорвать порохомъ Кремль.

Узнавъ, что Французы идутъ къ Калугѣ, Кутузовъ отправилъ генерала Дохтурова на перерѣзъ имъ, къ го-

роду Мало-Ярославцу, и самъ съ арміею поспѣшилъ туда же. Какъ ни торопился Дохтуровъ, а подошелъ къ Мало-Ярославцу въ одно время съ Французскими передовыми отрядами. Они вступили въ городъ съ одной стороны, а наши съ другой, встрѣтились лицомъ къ лицу и завязалась битва на улицахъ. въ самый день Смоленской и Калужской Божіей Матери, 12-го октября.

Самъ Наполеонъ былъ близехонько съ остальной свой арміей. Ему и въ умъ не приходило, что полки его встрѣтятся съ нашими, и, остановившись въ открытомъ полѣ, онъ велѣлъ подать себѣ завтракать. Вдругъ загудѣла пальба. Онъ себя не вспомнилъ, вскочилъ изъ-за стола, бросился на лошадь и помчался къ Мало-Ярославцу. Его войско поскакало за нимъ.

Въ 5 часовъ утра Дохтуровъ напалъ на непріятеля, который засѣлъ въ городѣ. Завязалась ожесточенная битва. Наши стояли молодецки: знали, что Кутузовъ спѣшитъ имъ на выручку. Въ полдень самъ Наполеонъ прибылъ къ мѣсту сраженія. Онъ еще надѣялся, что Кутузовъ далеко, но скоро вдали показались громады войска и заблестѣли ружейные стволы и штыки. Это Кутузовъ спѣшилъ съ главными силами на помощь Дохтурову. Сраженіе разгорѣлось теперь еще больше: дрались не на животъ, а на смерть, въ самыхъ улицахъ города. На Кутузова сыпались градомъ пули, а онъ все стоялъ да командовалъ; Наполеонъ самъ наводилъ пушки. Городъ до 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Совсѣмъ

разорили его бомбы да ядра; дома и церкви загорались и рушились, а битва все не прекращалась. Наконецъ уже поздно ночью прекратилась рѣзня и пальба: одна половина города осталась за нами, а другая—въ рукахъ непріятеля. Передъ разсвѣтомъ Кутузовъ отвелъ наше войско за $2^{1}/_{2}$ версты, на болѣе удобное для сраженія мѣсто. Здѣсь приготовился онъ къ борьбѣ съ непріятелемъ до послѣдней крайности. Наполеонъ также вышелъ изъ города и остановился недалеко, въ небольшомъ селѣ.

Невозможно себѣ вообразить того ужаснаго вида, какой представлялъ Мало-Ярославецъ. Пожаръ, начавшійся съ полудня; оставилъ по себѣ одни слѣды бывшихъ домовъ; груды тѣлъ сдѣлали улицы совершенно непроходимыми.

По мнѣнію многихъ, битва при Мало-Ярославцѣ была важнѣе Бородинской, потому что успѣхъ Французовъ открылъ бы Наполеону путь чрезъ богатѣйшія наши губерніи; а вслѣдствіе неуспѣха, Русскіе сохранили свои позиціи и обладаніе Калужской дорогой. Наполеонъ представлялъ себѣ, что ему удастся взять Мало-Ярославецъ безъ боя; и только послѣ неудачи понялъ онъ всю бѣду, которой подвергалась его армія. Съ этого времени онъ думалъ только о Парижѣ, точно также какъ, выѣзжая изъ Парижа, думалъ только о Москвѣ.

Итакъ, дѣло выяснилось: путь къ Калугѣ былъ загороженъ Французамъ: этого только и добивался нашъ главнокомандующій. Но такъ какъ обѣ стороны, послѣ

сраженія, остались ночевать на прежнихъ своихъ мѣстахъ, то ожидалась новая, еще болѣе ожесточенная битва. Кутузовъ писалъ Государю: «Я полагаю, должно быть генеральному сраженію, безъ коего ни подъ какимъ видомъ непріятеля въ Калугу не пущу». Но въ этомъ онъ ошибся: генеральнаго сраженія не произошло, да его и не нужно было для успѣха нашего оружія. Наполеонъ, какъ разсказываютъ, возвратившись въ свою главную квартиру послѣ битвы, велѣлъ позвать своихъ генераловъ въ избушку, которую ему отвели; онъ хотѣлъ съ ними посовѣтоваться о томъ, что дѣлать? Пришли они и видятъ: сидитъ онъ у стола, голову опустилъ на руки и молчитъ. Они стоятъ около него и все ждутъ: что-же онъ придумаетъ? Постояли, постояли, да такъ и ушли—слова отъ него не добились. Оставался онъ съ арміей цѣлыя сутки на одномъ мѣстѣ, потомъ выѣхалъ въ поле, велѣлъ огонь разложить, сѣлъ у костра и долго думалъ. Вдругъ, неожиданно для всѣхъ, онъ отдалъ по арміи приказъ: переходить на Смоленскую дорогу, по которой ему такъ не хотѣлось возвращаться. Дрогнули сердца его солдатъ, когда они услыхали этотъ приказъ: они знали, что ожидаетъ ихъ на Смоленской дорогѣ. Самъ Наполеонъ ѣхалъ посреди своихъ унылыхъ воиновъ, задумчивый, расчитывая какъ бы скорѣе добраться по разореннному пути до Смоленска.

Лишь только перешелъ Наполеонъ на Смоленскую дорогу, князь Кутузовъ подѣлилъ свою армію на три

части: одна гнала непріятеля съ тыла, другая справа, третья слѣва, такъ что некуда было податься несчастнымъ, негдѣ отдохнуть, или добыть себѣ провіанта. Объ эту пору дороги уже испортились отъ дождей, а Французскія лошади совсѣмъ изнурились безъ корма: ни пушекъ, ни обоза не вмочь имъ стало вывозить; а какъ только онѣ увязнутъ въ грязи, тотчасъ наши партизаны все захватятъ. Плѣнныхъ тоже не сотнями, а тысячами мы забирали, и самъ Кутузовъ и другіе начальники уговаривали солдатъ, чтобъ они похристіански съ ними обращались. Въ особенности былъ къ нимъ милосердъ генералъ Милорадовичъ: деньгами, запасами всѣхъ ихъ одѣлялъ. Они, бѣдняки, его знали, и какъ проѣдетъ онъ, бывало, мимо нихъ, такъ и прокричатъ ему по своему: ура! Разъ, во время какой-то небольшой стычки, видитъ генералъ, что бѣгутъ по полю двое дѣтей: мальчикъ лѣтъ семи, да дѣвочка пяти; держатъ они другъ дружку за руку, перепрыгиваютъ чрезъ мертвыхъ и раненыхъ, то и дѣло скользятъ въ крови, а пули надъ ними такъ и свищутъ. Генералъ велѣлъ своему адъютанту прибрать малютокъ, а когда кончилась битва, призвалъ ихъ къ себѣ и сталъ допрашивать, откуда они. Что-же оказалось? Отецъ ихъ, Французъ, давно уже проживалъ въ Москвѣ слесаремъ; присталъ къ Наполеону, взялъ съ собой дѣтей, когда Наполеоновская армія собиралась уходить изъ Москвы, да самъ и попалъ въ плѣнъ, а дѣти остались безъ всякаго призора. Милорадовичъ взялъ ихъ къ себѣ и

возилъ ихъ въ своей коляскѣ. Разъ, на стоянкѣ, мальчикъ узналъ между плѣнными отца: объ этомъ доложили генералу, который взялъ и отца къ себѣ, чтобы онъ былъ при дѣтяхъ.

Французское войско еще въ Москвѣ отвыкло отъ повиновенія; но пока оно думало, что идетъ впередъ, пролагая себѣ путь съ награбленною добычею, чрезъ богатыя, неопустошенныя мѣстности,—порядокъ въ немъ соблюдался еще кое-какъ, послѣ же поворота на опустошенную Смоленскую дорогу солдаты окончательно упали духомъ и походили болѣе на бѣгущую толпу хищниковъ, чѣмъ на воинство. Само небо перестало имъ помогать: мелкій и холодный дождь, начавшійся съ 14-го октября, такъ испортилъ дороги, что лошади падали отъ изнеможенія. Солдаты шли съ опущенными глазами, какъ-бы отъ стыда и униженія. Холода еще не начинались; 15-го октября былъ только легкій морозецъ. У города Вязьмы Кутузовъ нагналъ ихъ и произошло упорное сраженіе, въ которомъ мы взяли 4,000 плѣнныхъ, 11 пушекъ и обозъ. Послѣ того вдругъ сильно заморозило и поднялась снѣжная вьюга. Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ о своемъ ночлегѣ у Вязьмы, послѣ сраженія. «Огонекъ и наша палатка въ отдаленіи отъ прочихъ стали привлекать къ себѣ вниманіе изнуренныхъ, шатавшихся вездѣ непріятелей. Сперва пришелъ къ намъ длинный, тощій Нѣмецъ. Лицо его было такъ же черно, какъ одежда; голова укутана лохмотьями, а ноги обвернуты мѣш-

комъ. Первое его слово было: «Сжальтесь, дайте хлѣба»! Онъ сѣлъ подлѣ огня и тутъ изнуренное лицо его выразило необыкновенное удовольствіе, особенно когда дали ему обмоченный въ горячую воду сухарь. Онъ проклиналъ Наполеона. Пришелъ затѣмъ такой же оборванный и изнуренный Французъ и тоже просилъ ѣсть. Мы сами нуждались въ пищѣ, а потому дали ему топоръ, чтобъ онъ вырубилъ себѣ кусокъ мяса изъ дохлой, валявшейся невдалекѣ лошади, но ослабѣвшія руки его отказывались разрубить замерзшій трупъ. Бросивъ топоръ, онъ сѣлъ на землю и съ отчаяньемъ проговорилъ: «видно надо умереть»! Однако надъ нимъ сжалились и накормили его, чѣмъ Богъ послалъ».

До Вязьмы Наполеонъ ѣхалъ постоянно верхомъ, но тутъ онъ не выдержалъ: въ первый разъ послѣ Москвы сѣлъ въ карету и одѣлся въ польское платье: соболью шубу, покрытую зеленымъ бархатомъ и украшенную золотыми шнурами, мѣховую шапку и сапоги. Оборванные и мерзлые солдаты глядѣли на него со злобой и не слышно уже было восторженныхъ криковъ при его появленіи, какъ бывало прежде.

При переходѣ черезъ р. Колочу достаточно было бы двухъ бревенъ, столькихъ же козелъ и нѣсколькихъ досокъ, чтобы устроить переправу; но безпорядокъ и безпечность были таковы, что Наполеонъ долженъ былъ остановиться. Потопили нѣсколько пушекъ, которыя хотѣли перевезти въ бродъ. Проходили мимо Бородинскаго поля, покры-

таго трупами, обглоданными собаками. Видъ его произвелъ на Французовъ ужасное впечатлѣніе.

На пути Французы пристрѣливали плѣнныхъ, отстававшихъ отъ хвоста колонны болѣе 50 шаговъ. Наполеонъ въ числѣ плѣнныхъ тащилъ съ собою купцовъ, ливрейныхъ лакеевъ и проч. Думали, что это — переодѣтые казаки. Несчастный плѣнный, чувствуя, что силы его покидаютъ, отставалъ понемногу, прощаясь съ товарищами. Всѣ проходили мимо его, одинъ конвойный солдатъ оставался при немъ, пристрѣливалъ и потомъ догонялъ колонну. Одинъ плѣнный солдатъ нашъ упалъ на дорогѣ отъ усталости. Конвойный три раза спускалъ курокъ—ружье осѣкалось. Наконецъ онъ ушелъ и прислалъ другаго, у котораго ружье было исправнѣе. Иногда плѣнные, предчувствуя свою участь, завидя вдали по дорогѣ церковь, старались дотащиться до нея, становились по нѣскольку рядомъ на паперти у церкви, молились и ихъ застрѣливали. Этотъ жестокій приказъ данъ былъ самимъ Наполеономъ; исполнителями были Нѣмцы.

На пути отъ Вязьмы до Смоленска войско Наполеона быстро уменьшалось. Хотя морозы были не больше 10 градусовъ, но этотъ холодъ былъ невыносимъ для плохо одѣтыхъ Французовъ. Конница гибла. Подъ пушки стали брать лошадей изъ обозовъ, а самые обозы — бросать на дорогѣ, вмѣстѣ съ награбленною въ Москвѣ добычею. Проведя день безъ пищи, прозябшіе и усталые непріятели располагались на ночлегъ вокругъ огня, на

мерзлой землѣ, въ снѣгу. На утро многіе изъ нихъ умирали и товарищи спѣшили снять съ нихъ обувь и одежду.

До какой степени изнеможенія дошли въ это время непріятельскія войска можно видѣть изъ слѣдующаго, разсказаннаго однимъ изъ современниковъ, случая, который можетъ показаться неправдоподобнымъ. Староста одной деревни Сычевскаго уѣзда повелъ партію плѣнныхъ Французовъ въ городъ. Во время его отсутствія крестьяне привели еще нѣсколько плѣнныхъ, которыхъ они захватили, и отдали ихъ въ вѣдѣніе жены старосты—Василисы. Старостиха, желая отправить ихъ куда слѣдуетъ, собрала крестьянъ, сѣла верхомъ на лошадь, взяла въ руки косу и такимъ образомъ, разъѣзжая вокругъ плѣнныхъ, кричала важнымъ голосомъ: «Ну, злодѣи, Французы, во фрунтъ! Ступай! Маршъ!». Одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, раздраженный тѣмъ, что женщина вздумала имъ командовать, не послушался ея. Василиса немедленно ударила его по головѣ косою — онъ упалъ мертвый къ ногамъ ея, и она вскричала грознымъ голосомъ: «Всѣмъ вамъ, ворамъ, собакамъ, будетъ тоже, кто чуть-чуть зашевелится! Уже я двадцати семи такимъ вашимъ озорникамъ сорвала головы. Маршъ въ городъ»! Всѣ плѣнные шли такимъ образомъ подъ командою Василисы до самаго города въ совершенномъ повиновеніи и страхѣ, чтобъ не лишиться жизни.

При переходѣ Французовъ черезъ Днѣпръ, у Соловьевой

переправы, была ужасная давка на мосту; дорога къ нему на нѣсколько верстъ была покрыта брошенными экипажами и зарядными ящиками. При переходѣ былъ ужасный безпорядокъ. Тутъ Французы потеряли 20 пушекъ и 1,000 человѣкъ одними плѣнными. Дальнѣйшее отступленіе было самое бѣдственное. Едва кто изъ солдатъ падалъ отъ изнеможенія, другіе бросались раздѣвать его, чтобы прикрыть самихъ себя его одеждою, и отнимали у него провизію, ускоряя его смерть. Обирали и живыхъ, не только мертвыхъ.

Наши войска глазамъ своимъ не вѣрили, видя тѣ бѣдствія, которыя испытывали непріятели. «Отъ Вязьмы къ Дорогобужу—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ — мы шли большою Смоленскою дорогою и съ ужасомъ видѣли на ней безпрерывное кладбище, или какъ бы дѣйствіе опустошительной чумы: на каждой верстѣ лежали по нѣскольку десятковъ лошадей и трупы погибшихъ Французовъ; между ними—опрокинутыя фуры или взорванные пороховые ящики. Видѣли, какъ у многихъ околѣвшихъ лошадей вырѣзано было мясо; какъ въ животѣ одной такой лошади Французъ схватился обѣими руками за печенку и, видно, хотѣлъ ѣсть ее, но морозъ окаменилъ его въ этомъ положеніи. Подъ однимъ деревомъ, на дорогѣ, сидѣлъ офицеръ въ тонкомъ синемъ мундирѣ, подъ трехъугольною шляпою. Его глаза были полуоткрыты, голова склонилась на сторону, мертвая блѣдность покрывала молодое, прекрасное лицо. Онъ не отвѣчалъ на наши вопросы и, казалось, поте-

рялъ уже зрѣніе, только правая рука двигалась къ сердцу. Вдругъ—его глаза сдѣлались неподвижны и онъ предъ нами отдалъ Богу душу».

Хотя у нашихъ передовыхъ войскъ часто продовольствіе было не изобильно, но они охотно дѣлились сухарями съ несчастными непріятелями, постоянно со всѣхъ сторонъ стекавшимися къ ихъ кострамъ на стоянкахъ. На одну изъ такихъ стоянокъ, послѣ сраженія при Вязьмѣ, прибѣжала Русская женщина, Московская мѣщанка, съ криками: «Батюшки родимые, спасите!». У нея на рукахъ былъ грудной ребенокъ, сынъ Французскаго полковника, убитаго подъ Вязьмою; мать его попалась, вмѣстѣ съ обозомъ, въ плѣнъ казакамъ и неизвѣстно куда пропала. Женщина была кормилицей ребенка и нѣжно ласкала его. «Да вѣдь онъ Французёнокъ»—шутя, замѣтилъ офицеръ,— «что тебѣ жалѣть его»?—«Я жила у нихъ, какъ у родныхъ: можно-ли мнѣ не любить ихъ бѣднаго сиротки»?—отвѣчала она, обливаясь слезами и повторяя: «бѣдный, бѣдный сиротка»!

А въ нашихъ церквахъ находили младенцевъ, убитыхъ непріятелемъ!

Итакъ, вся главная армія Наполеона, послѣ многихъ бѣдъ, уменьшенная болѣе чѣмъ на половину, голодная и въ лохмотьяхъ, дотащилась наконецъ до Смоленска, гдѣ надѣялась найдти отдыхъ и продовольствіе.

А Наполеонъ писалъ во Францію и объявлялъ по всей Европѣ, что, идя на Смоленскъ, онъ будто бы

приближается къ Петербургу; что армія его расположится на зимнихъ квартирахъ за Днѣпромъ и Двиною и съ начатіемъ весны пойдетъ на Петербургъ!

А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ: Смоленскъ-то ближе къ Петербургу, чѣмъ Москва. Чего добраго, не вздумалъ-бы онъ и впрямь идти на Петербургъ?

Недожиру—быть-бы живу! говоритъ Русская пословица.

Безпорядокъ при вступленіи въ Смоленскъ былъ таковъ, что Французы, вмѣсто изобилія, нашли въ немъ только голодъ. Одна только гвардія получила раздачу провіанта; въ прочихъ корпусахъ солдаты и офицеры всѣ бросились грабить магазины и погреба. Толпы пьяныхъ буйствовали по улицамъ и сильный отнималъ у слабаго. Та часть арміи, которая вступила въ Смоленскъ послѣднею, не нашла болѣе ни одного сухаря: все уже было расхищено!

Между генералами произошла ссора по этому случаю, а самъ Наполеонъ ничего не хотѣлъ знать: ему было не до того! Онъ въ Смоленскѣ получилъ извѣстіе о разбитіи отдѣльной его арміи, которая оставалась на рѣкѣ Двинѣ, и о взятіи въ плѣнъ одного изъ лучшихъ своихъ генераловъ. Затѣмъ со всѣхъ сторонъ стали приходить страшныя вѣсти: Кутузовъ подходитъ къ Смоленску, впереди—грозило появиться наше войско, подъ начальствомъ Чичагова, которое возвратилось изъ Турціи, а справа, отъ Витебска, подъ начальствомъ Витгенштейна также двигались наши полки, которые съ самаго начала войны защищали дорогу на Петербургъ,

а теперь тѣснили отступавшіе предъ ними непріятельскіе отряды.

Наполеону оставалось одно: уходить какъ можно скорѣе во-свояси, чтобъ не быть окруженнымъ и не попасть въ плѣнъ.

Такъ и рѣшилъ онъ. Черезъ три дня, когда все его войско собралось въ Смоленскѣ, онъ выступилъ оттуда со своею гвардіею, приказавъ идти за нимъ и остальнымъ отрядамъ. Начальнику послѣдняго отряда приказано было, уходя изъ города, сжечь все, чего нельзя было увезти, и потомъ взорвать городскія стѣны и башни. Въ звѣздную, морозную ночь на 5-е ноября выступили послѣдніе непріятельскіе полки изъ Смоленска. Въ то же время надъ городомъ показалось зарево и послышались взрывы: восемь башенъ взлетѣли на воздухъ, Смоленскъ окончательно обратился въ развалины. Тамъ оставалось еще до 700 жителей и 2,000 больныхъ и раненыхъ непріятелей, брошенныхъ на произволъ судьбы. Всѣ окрестности города были усѣяны трупами и, по уходѣ непріятеля, сюда набѣжало множество волковъ, которые, въ виду жителей, спокойно лакомились добычею. Впослѣдствіи въ городахъ и уѣздахъ Смоленской губерніи было закопано и сожжено слишкомъ полтораста тысячъ однихъ только человѣческихъ тѣлъ.

Черезъ нѣсколько часовъ пришелъ на развалины города князь Кутузовъ со своею арміею. Какъ ни настрадались наши воины, какъ ни горько было имъ видѣть на родной землѣ смерть и опустошеніе, а смотрѣ-

ли они бодро, потому что Господь благословилъ наше правое дѣло. Въ Смоленскѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ и оставлена икона Божіей Матери которую—помните?—вывезли изъ несчастнаго города на самый праздникъ Преображенія Господня.

Въ то время, какъ послѣдніе полки Наполеона выступали изъ Смоленска, самъ онъ находился въ 47 верстахъ оттуда, въ городѣ Красномъ. Сюда же подошелъ Кутузовъ съ лѣвой стороны и сталъ въ пяти верстахъ предъ городомъ. Такимъ образомъ всѣмъ непріятельскимъ полкамъ, которые были на пути отъ Смоленска къ Красному, грозила опасность быть отрѣзанными нашимъ войскомъ. Утромъ 5-го ноября самъ Наполеонъ вывелъ свои войска на встрѣчу Кутузову. Бились три дня. Кончилось тѣмъ, что только часть ихъ успѣла пробраться къ Красному, а остальные принуждены были сдаться въ плѣнъ.

Сраженіе подъ Краснымъ въ конецъ разстроило войска Наполеона. Однихъ плѣнныхъ наши взяли здѣсь болѣе 6000 человѣкъ, да 112 пушекъ, обозы, множество знаменъ и даже часть канцеляріи самого Наполеона. Отсюда онъ направился къ Оршѣ, а потомъ къ р. Березинѣ.

Получивъ донесеніе о рѣшительной побѣдѣ надъ непріятелемъ, Кутузовъ подъѣхалъ на конѣ, окруженный своею свитою, къ лагерю гвардейскаго Семеновскаго полка, который особенно отличился. За нимъ 7 конногвардейскихъ солдатъ везли отбитыя Французскія знамена, на верху которыхъ красовались одноглавые орлы.

«Здравствуйте, молодцы-Семеновцы»! громко сказалъ Кутузовъ,—«поздравляю васъ съ новой побѣдой, вотъ и гостинцы вамъ везу!»—и указалъ на Французскія знамена. «Эй, кирассиры! нагните орлы пониже, пусть кланяются молодцамъ! Матвѣй Ивановичъ Платовъ доноситъ мнѣ, что взято 112 пушекъ и... сколько-бишь генераловъ?»—обратился онъ къ стоявшему близко генералу.—«Пятнадцать», поспѣшилъ отвѣтить генералъ.—«Слышите, друзья, 15!», продолжалъ свѣтлѣйшій,—«ну если бы у насъ взяли столько же, сколько бы осталось? Пушки можно сосчитать на мѣстѣ, да и то не вѣрится, а въ Питерѣ скажутъ: хвастаютъ!». Очевидцы свидѣтельствуютъ, какой восторгъ произвела въ войскахъ эта рѣчь престарѣлаго фельдмаршала. Они знали, какъ онъ о нихъ заботится, и вполнѣ были ему преданы.

Послѣ Краснаго, къ главной арміи подошли съ юга Дунайская армія Чичагова, а съ сѣвера—армія князя Витгенштейна, и всѣ три стали гнать Французовъ сообща. Чтобъ наши не слишкомъ напирали сзади, непріятели вездѣ истребляли переправы, а деревни, встрѣчавшіяся на пути, выжигали до тла. Оттого наше главное войско отстало, а передовые отряды, которые шли за непріятелемъ по пятамъ, терпѣли крайній недостатокъ въ пищѣ. Лошадей кормили соломой; у солдатъ не было уже сухарей и они кое-какъ перебивались картофелемъ, или ѣли рожь и овесъ, разваривъ ихъ въ водѣ *).

*) Кутузовъ сзади, а Витгенштейнъ справа спѣшили къ Бе-

По дорогѣ къ Березинѣ, къ Наполеону присоединилось нѣсколько отрядовъ того запаснаго войска, которое было послано имъ въ началѣ войны по дорогѣ въ Петербургъ. Витгенштейнъ не пустилъ ихъ туда и нѣсколько разъ побивалъ, однако они были еще въ полномъ порядкѣ и не терпѣли нужды. Это обрадовало Наполеона, но опасность для него еще не миновалась: впереди была широкая рѣка Березина и миновать ея было нельзя, а ледъ на ней только-что затянуло и онъ былъ не крѣпокъ. За Березиной наши уже готовились его встрѣтить, и ужь вѣрно не выпустили бы изъ рукъ, еслибы не оплошалъ начальникъ Дунайской арміи, генералъ Чичаговъ, которому поручено было стеречь Наполеона. Вотъ какъ это случилось. Французы дошли до г. Борисова, что лежитъ на р. Березинѣ, а 14 ноября прибылъ туда и самъ Наполеонъ. Но Чичаговъ, послѣ небольшаго сраженія, вытѣснилъ его оттуда и расположился вблизи, чтобъ не дать ему переправиться черезъ рѣку. А Наполеонъ поднялся на хитрость: сначала онъ ворвался въ Борисовъ, прогналъ оттуда наши передовыя войска и преслѣдовалъ ихъ, но не могъ перейти Березину, потому что наши, отступая на другой берегъ, сожгли за собою мостъ. Потомъ онъ,

---

резинѣ, но были еще далеко. Витгенштейнъ гналъ передъ собой отдѣльные Французскіе корпуса, которые хотѣли было пробраться въ Петербургу. Онъ взялъ захваченный ими городъ Полоцкъ, побилъ ихъ при селеніи Чашникахъ, потомъ взялъ у нихъ Витебскъ и теперь спѣшилъ соединиться съ Чичаговымъ, чтобъ нанести имъ послѣдній ударъ и не выпустить ихъ изъ Россіи.

чтобъ обмануть Чичагова, приказалъ приготовить лѣсъ и все нужное для устройства мостовъ у самаго города Борисова, а самъ между тѣмъ, въ темную ночь, со всею своею гвардіею, отправился въ деревню Студянку, также на берегу Березины, только выше, верстъ на 30, отъ Борисова, и тамъ велѣлъ какъ можно скорѣе строить мосты. Хитрость эта удалась: Чичаговъ, вмѣсто того, чтобъ послать развѣдать на другой день, гдѣ непріятели думаютъ переправляться, цѣлыхъ два дня ходилъ искать Французовъ совсѣмъ въ другую сторону, когда каждый часъ былъ дорогъ.

Между тѣмъ, у Студянки работа кипѣла. Такъ какъ не было времени рубить для этого лѣсъ, то мосты строились изъ старыхъ балокъ избъ, разрушенныхъ въ дер. Студянкѣ, и за прочность ихъ нельзя было поручиться. Наполеонъ въ бродъ отправилъ черезъ рѣку конный отрядъ, захватилъ тамъ нѣсколько плѣнныхъ и узналъ отъ нихъ, что Чичаговъ все еще въ Борисовѣ, а тутъ только небольшіе передовые отряды. Французы работали въ водѣ, окруженные льдомъ, такъ какъ послѣ оттепели, при 4 градусахъ мороза, рѣку опять начало затягивать.

Строилось два моста, въ разстояніи 80 саженъ одинъ отъ другаго, каждый длиною въ 36 саженъ. Одинъ изъ нихъ, послѣ полудня 14 ноября, былъ уже готовъ и часть войска—около 7 тысячъ человѣкъ—переправилась черезъ него безъ выстрѣла, отбросила передовые наши небольшіе отряды и выгодно расположилась на гори-

стомъ берегу. Къ 4 часамъ пополудни былъ готовъ и 2-й мостъ и началась переправа обозовъ и артиллеріи. Это продолжалось весь день и ночь, а къ утру 15 ноября значительная часть непріятельскихъ войскъ перешла уже на лѣвый берегъ Березины.

А Кутузовъ и Витгенштейнъ все еще не показывались!

Нужно было еще два дня, чтобы всѣ непріятельскія войска и слѣдовавшія за ними безоружныя, изнуренныя толпы могли переправиться. Между тѣмъ, затрудненія умножались съ каждымъ часомъ. Построенные изъ стараго лѣса мосты, настланные кругляками, портились и ломались. Ихъ чинили; въ это время движеніе прекращалось. Люди напирали, толпились передъ мостами, обозы—тоже. Началась страшная давка, безпорядокъ, дошедшій до крайности 16 ноября. Тысячи подводъ съѣхались у входа на мосты; сила брала верхъ надъ правомъ; слабаго сбивали съ ногъ и топтали; иногда часть моста проваливалась, люди, фуры и лошади падали въ рѣку. Прекратить безпорядки при переправѣ не было никакихъ средствъ, несмотря на присутствіе самого Наполеона. Всякій думалъ только о себѣ, не хотѣлъ никого слушаться и тискался впередъ, очертя голову.

А Чичаговъ все еще стоялъ у Борисова! Еслибы онъ тотчасъ же вышелъ, то успѣлъ бы накрыть Французовъ во время самой переправы.

Вдругъ, около 9 часовъ утра, 16 ноября, послыша-

лась сильная пушечная пальба справа и сзади. Это приближались Витгенштейнъ—справа, а генералъ Ермоловъ и атаманъ Платовъ—сзади. Витгенштейнъ нажалъ задній отрядъ Французовъ и такъ стѣснилъ его со всѣхъ сторонъ, что весь отрядъ отдался ему въ плѣнъ. Ермоловъ и Платовъ съ казаками подходили уже къ Березинѣ—тогда только послышались за рѣкою пушечные выстрѣлы со стороны Борисова; вотъ когда только очнулся Чичаговъ! Наполеонъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ ту сторону. Въ то же время уже близко грянули пушки Витгенштейна, который пришелъ съ правой стороны. Начались, въ одно время, два сраженія—по ту и по другую сторону мостовъ. Цѣлый день продолжался бой, сыпались ядра по мостамъ и по плотамъ; а которое ядро и въ пороховой ящикъ попадало—и разлетятся во всѣ стороны изувѣченныя тѣла! Лошади ржали, подымались на дыбы и топтали копытами людей; непріятели отъ давки падали съ моста, а иные сами бросались въ рѣку, думая спастись вплавь, да ужь очень истомились, а вода стала застывать,—и какъ переплывутъ они сажень, другую между льдинъ, такъ выбьются совсѣмъ изъ силъ, окоченѣютъ отъ холода. остановятся среди рѣки да и пойдутъ потомъ ко дну. Такъ разсказываютъ очевидцы. Однако ни Витгенштейну, ни Чичагову не удалось прекратить переправу и помѣшать движенію Французовъ съ обозами за Березиною. Но тутъ войско Наполеона уже окончательно распалось. До переправы у него было еще 30,000 боевыхъ

солдатъ; послѣ переправы оказалось не болѣе 8800 человѣкъ, способныхъ сражаться. Вотъ все, что осталось отъ великой Наполеоновской арміи, которая была такъ страшна и которая покорила большую часть Европы! Однако при Березинѣ она доказала, что способна еще къ самому отчаянному сопротивленію. Самъ же Наполеонъ былъ тогда въ полной силѣ; на походѣ къ Березинѣ онъ сказалъ бывшимъ при немъ начальникамъ отрядовъ: «Довольно я былъ императоромъ: настало время быть генераломъ»! И дѣйствительно, при Березинѣ онъ самъ распоряжался всѣмъ, находился вездѣ, гдѣ была опасность, ободрялъ унывавшихъ солдатъ; а на переходахъ отъ Смоленска его не разъ видѣли шедшаго пѣшкомъ посреди своей старой гвардіи, опираясь на большую палку.

За полночь 16 ноября переправа войска окончилась; но на томъ берегу оставались толпы безоружныхъ, безсильныхъ людей, которые въ теченіе дня напрасно старались добраться до мостовъ. Они лежали въ снѣгу, или укрывались въ разбитыхъ и опрокинутыхъ повозкахъ. Изнеможеніе ихъ было такъ велико, что они не трогались съ мѣста, хотя имъ и сказали, что утромъ сожгутъ мосты. Наполеонъ, чтобъ поднять ихъ, велѣлъ, въ 5 часовъ утра, жечь повозки, гдѣ они укрывались отъ холода и вѣтра. Это подѣйствовало, и безоружныя толпы, среди которыхъ были и женщины и дѣти, бросились къ мостамъ, но не всѣ успѣли перебраться на другую сторону. Въ 9-мъ часу утра у Студянки показа-

лись пики нашихъ казаковъ и мосты приказано было поджечь. Скоро они стали рушиться и вмѣстѣ съ ними падали въ воду люди, лошади, повозки. Многіе бросались на слабыя льдины, спершіяся между мостами, или вплавь, но погибали, не добравшись до другаго берега. Рѣка запрудилась повозками, трупами лошадей, солдатъ, женщинъ и дѣтей. Много непріятелей осталось у Студянки: здѣсь на цѣлую версту стояли разнаго рода повозки съ разной добычей и среди нихъ валялись трупы, ползали раненые, бродили голодные, полузамерзшіе непріятели. Мужчины и женщины, покрытые лохмотьями, вымаливали у нашихъ куска хлѣба, или предлагали за него часы, кольца, деньги. Многіе изъ нашихъ солдатъ, не думая о наживѣ, дѣлились съ несчастными, особенно съ женщинами и дѣтьми, послѣдними своими крохами. Наши казаки, вмѣстѣ со всякимъ добромъ, которое непріятели везли съ собою изъ Москвы, отбили при Березинѣ 40 пудовъ церковнаго серебра и пожертвовали его для Казанскаго собора въ Петербургѣ. Изъ этого серебра сдѣланъ былъ потомъ въ Казанскомъ соборѣ иконостасъ.

Послѣ переправы чрезъ Березину бѣдствія непріятеля достигли послѣдней степени. Наступила такая стужа, что у людей спиралось дыханіе. Солдаты окутывались лошадиными попонами, мѣшками, рогожами, всякимъ тряпьемъ, нѣкоторые шли въ поповскихъ ризахъ, другіе—въ женскихъ капотахъ. За Березиной тянулись

Бѣгство Французовъ.

непроходимыя болота, которыя также представляли немалое затрудненіе для Французовъ.

Вотъ какъ описываетъ бѣгство изъ Россіи Наполеона и его арміи нашъ извѣстный поэтъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ:

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя мятели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки...
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней
И людей и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ Московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...

Въ пошевняхъ, на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно—
Полный гордости и славы—
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...

Гдѣ-жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. Надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..

И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ: какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода—
Въ Тюльери *) стоитъ онъ гнѣвный...
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ.

---

*) Дворецъ въ Парижѣ.

Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой... *)

И, вспыливши, Императоръ—
«Князь, вы видите»—воскликнулъ—
«Мнѣ никто во всей Европѣ
«Не дерзаетъ поперечить:
«Императоръ вашъ—на что же
«Онъ надѣется—на что же»?

— «Государь!», въ отвѣтъ посланникъ,
«Взять въ расчетъ вы позабыли,
«Что за Русскимъ Государемъ
«Русскій в е с ь стоитъ н а р о д ъ»!

Онъ тогда расхохотался;
А теперь,—теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...
Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій **),
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ.

---

*) Русскій посланникъ, князь Куракинъ.
**) Подъ Москвою.

Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!... и днемъ и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... «Такъ вотъ что значитъ
Весь народъ»!..
И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

Видя конечную гибель своего войска, Наполеонъ сталъ думать только о томъ, какъ бы ему самому не попасться въ плѣнъ. 24 ноября, не доѣзжая Вильны, онъ досталъ большія сани, сѣлъ въ нихъ съ четырьмя изъ своихъ генераловъ и укатилъ въ Варшаву, оставивъ остатки своей арміи на волю Божію. А когда эти остатки войска подошли къ границѣ, ихъ всего оказалось полторы тысячи человѣкъ. Да тутъ подоспѣли къ нимъ отдѣльные отряды, которые не ходили въ Москву, а собирались было идти на Петербургъ, да были побиты Витгенштейномъ. Эти еще уцѣлѣли: набралось ихъ всего тысячъ до семидесяти. Изъ Варшавы Наполеонъ отправился въ свой Парижъ—и слѣдъ его простылъ!

Императоръ Александръ, узнавъ о бѣгствѣ Наполеона и гибели его войска, отправился изъ Петербурга въ

Вильно и прибылъ туда 11 декабря, среди восторженныхъ криковъ народа и войска. Во дворцѣ у подъѣзда онъ, весь занесенный инеемъ и снѣгомъ, — такъ какъ ѣхалъ въ дорожныхъ саняхъ, — былъ встрѣченъ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, обнялъ его и, взявъ за руку, повелъ въ свой кабинетъ. Радость была всеобщая, неописанная! 25 декабря, въ день Рождества Христова, былъ объявленъ манифестъ, въ которомъ Государь извѣщалъ Россію о побѣдѣ надъ Наполеономъ, и съ этихъ поръ наша церковь ежегодно празднуетъ въ этотъ день избавленіе Россіи отъ нашествія Французовъ и съ ними 20 народовъ.

Такъ-то Царь нашъ сдержалъ свое Царское слово, сказанное имъ при самомъ началѣ войны: «не положу оружія до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ непріятельскій воинъ останется въ Царствѣ моемъ!».

Въ воспоминаніе народной, отечественной войны 1812 года сооруженъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя, освященіе котораго совершилось 26 мая 1883 года.

Мысль о сооруженіи храма Спасителя явилась по окончаніи отечественной войны. Въ манифестѣ изъ Вильны, отъ 25 декабря 1812 года, Императоръ Александръ говорилъ: «Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ Россійскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились Мы въ первопрестольномъ горо-

дѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа».

Первоначально предполагалось поставить храмъ въ окрестностяхъ Москвы, на Воробьевыхъ горахъ. Въ 1817 году, 12 октября, въ тотъ самый день и на томъ самомъ мѣстѣ Воробьевыхъ горъ, гдѣ за пять лѣтъ предъ тѣмъ имѣлъ послѣдній ночлегъ послѣдній изъ оставившихъ Москву отрядовъ Французской арміи, была совершена торжественная закладка храма. Въ 1821 году было приступлено къ земляным работамъ, но въ 1828 году, уже въ царствованіе Императора Николая I, оказались затрудненія къ воздвиженію храма на выбранномъ покойнымъ Государемъ мѣстѣ и рѣшено было строить его въ самой Москвѣ, на возвышенномъ мѣстѣ у Москвы-рѣки, недалеко отъ Кремля. Работы по устройству фундамента окончены были въ концѣ 1839 года и 10 сентября того же года была совершена торжественная закладка храма. Въ 1858 году постройка была окончена вчернѣ, и когда были разобраны наружные лѣса, храмъ явился во всемъ величіи и красотѣ. Съ наружной западной стороны храма, при входѣ, помѣщено изображеніе Христа Спасителя, окруженное силами небесными и святыми. На восточной сторонѣ помѣщены иконы явленій Богоматери и картины Рождества и Воскресенія, въ воспоминаніе объ изгнаніи враговъ изъ предѣловъ Россіи. На южной сторонѣ—изображеніе Богородицы Смоленской, образъ которой былъ при войскахъ въ 1812 году. Наконецъ, на сѣверной—

изображенія просвѣтителей Россіи вѣрою Христовой. Въ широкомъ корридорѣ, окружающемъ храмъ внутри, справа и слѣва помѣщено, въ воспоминаніе о событіяхъ отечественной войны, 177 бѣлыхъ мраморныхъ плитъ съ надписями. Налѣво отъ входа, на первой плитѣ изсѣченъ Высочайшій приказъ арміямъ и рескриптъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта, графу Салтыкову, о вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи; далѣе—воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о вооруженіи Россіи. Затѣмъ идутъ описанія сраженій 1812 года, съ поименованіемъ дня и мѣста сраженій, тѣхъ войскъ, которыя въ нихъ участвовали, главноначальствовавшихъ, убитыхъ, раненыхъ и отличившихся. Справа отъ входа помѣщены описанія сраженій 1813 и 1814 годовъ, уже за предѣлами Россіи, и наконецъ начертанъ манифестъ о взятіи Парижа, низложеніи Наполеона и о заключеніи мира въ Европѣ. На стѣнѣ, соприкасающейся горнему мѣсту, за алтаремъ, находятся благодарственные манифесты Императора Александра I Русскому народу, Москвѣ и Русскому дворянству; манифестъ объ учрежденіи медали въ память 1812 года; составъ ополченія и перечень пожертвованій, сдѣланныхъ разными городами и частными лицами для спасенія отечества. На площади кругомъ храма разбитъ садъ, окруженный бронзовой рѣшеткой. На южной сторонѣ, съ набережной, устроенъ спускъ къ каменной Іордани на Москвѣ-рѣкѣ и поставлены пушки, отнятыя у непріятеля въ предѣ-

лахъ Россіи, въ 1812 году, и во время похода въ Парижъ, въ 1813 и 1814 годахъ.

Такимъ образомъ, память о народной войнѣ 1812 года, которая понынѣ живетъ въ сердцѣ каждаго Русскаго, увѣковѣчена теперь въ храмѣ Христа Спасителя, строившемся 44 года и освященномъ черезъ нѣсколько дней послѣ священнаго коронованія и помазанія на Царство благополучно царствующаго нынѣ Государя Императора нашего Александра III-го.

НАРОДНЫЯ ЧТЕНІЯ.

Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній и состоящаго при ней издательскаго общества.

1) **О Богослуженіи Православной церкви.** Свящ. М. Соколова. Ц. 8 к.
2) **Уничиженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа.** Съ раскр. изобр. Ц. 8 коп.
3) **Жизнь Божіей Матери.** Свящ. М. Соколова. Съ изобр. Богородицы. Ц. 10 коп.
4) **Первые вѣка христіанства и распространеніе его на Руси.** Съ 3 раскр. изобр. Свящ. Опатовича. Ц. 10 к.
5) **Великій постъ.** Чтеніе священника М. Соколова. Ц. 10 к.
6) **Богомольцы у святынь Кіева.** Лавра. И. Хрущова. Съ 2 карт. Изданіе второе. Ц. 20 к.
7) **Богомольцы у святынь Кіева.** Старый Кіевъ. И. Хрущова. Съ 2 изобр. Ц. 10 к.
8) **Русская правда, или судъ въ стародавнія времена.** Историческая повѣсть. В. Лапина. Ц. 7 к.
9) **Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома.** В. Лапина. Ц. 10 к.
10) **Невская битва и Ледовое побоище.** В. Лапина. Съ раскр. картин. Ц. 5 к.
11) **Куликовская битва.** С. Рождественскаго. Ц. 8 к.
12) **Покореніе царства Казанскаго.** В. Лапина. Съ раскр. карт. Ц. 5 к.
13) **Изъ временъ покоренія Сибири.** Историческая повѣсть. В. Лапина. Ц. 10 к.
14) **О Петрѣ Великомъ.** С. Рождественскаго. Съ 5 раскр. картин. Ц. 12 к.
15) **Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой.** Съ 4 раскр. карт. С. М. Макаровой. Ц. 12 коп.
16) **Полтава.** Повѣсть въ стихахъ А. С. Пушкина. С. Макаровой. Съ 8 раскр. картин. Ц. 15 коп.
17) **Тарасъ Бульба.** Историческая повѣсть. Н. В. Гоголя. Ц. 5 к.
18) **19 февраля 1855 — 1880 г.** Доброписцева. Ц. 5 к.
19) **М. В. Ломоносовъ.** А. Филонова. Съ картинкою. Ц. 5 к.
20) **Какъ ѣда питаетъ наше тѣло.** Съ 2 раскр. карт. И. Алеева. Ц. 15 к.
21) **Чай, отнуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ.** Е. Рейнбота. Съ 2 раскр. картинками. Ц. 8 к.
22) **Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина.** А. Филонова. Ц. 5 к.
23) **Дѣдушка Крыловъ и его басни.** А. Филонова. Съ раскр. карт. Ц. 10 к.
24) **Кольцовъ и его пѣсни.** М. Парунова. Съ 2 раскр. карт. Ц. 10 к.
25) **Разсказы о севастопольцахъ.** А. Суповева. Съ 2 раскр. карт. Ц. 15 к.

26) **Кулибинъ, механикъ-самоучка.** Е. Ф. Николаевой. Съ раскр. карт. Ц. 8 к.

27) **Двѣнадцать мудрыхъ басенъ.** Съ портр. Крылова. Ц. 5 к.

28) **Суворовъ.** С. Рождественскаго. Съ портр. и одною раскр. карт. Ц. 15 к.

29) **Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе.** И. Хрущова. Съ 3 раскр. карт. Ц. 15 к.

30) **Архангельскіе китоловы.** Повѣсть Сѣтковой (Катенкампъ). Съ 2 раскр. карт. Ц. 20 к.

31) **Александръ I Благословенный.** Съ 2 карт. Ц. 8 к.

32) **Купецъ Иголкинъ и его подвигъ.** Съ 1 карт. Ц. 8 к.

33) **Роковой кладъ.** Сѣтковой (Катенкампъ). Съ картинкою. Ц. 15 к.

34) **Жизнь Святаго Николая Чудотворца.** Свящ. М. Соколова. Съ изображеніемъ Святителя. Ц. 8 к.

35) **Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ** Доктора Перфильева. Ц. 35 к.

36) **Свято-Троицкая Сергіева Лавра** И. И. Петрова. Съ тремя картинками. Ц. 15 к.

37) **Священное коронованіе и помазаніе царей на царство.** И. И. Петрова. Съ фототипными портретами Императора Александра III и Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Ц. 10 к.

38) **Сборникъ стиховъ.** Выпускъ I-й. Ц. 8 к.

39) **Сборникъ стиховъ.** Выпускъ II-й. Ц. 8 коп.

40) **Сборникъ стиховъ.** Выпускъ III-й Ц. 8 коп.

41) **О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о мамаевомъ побоищѣ.** Ап. Н. Майкова. Ц. 6 коп.

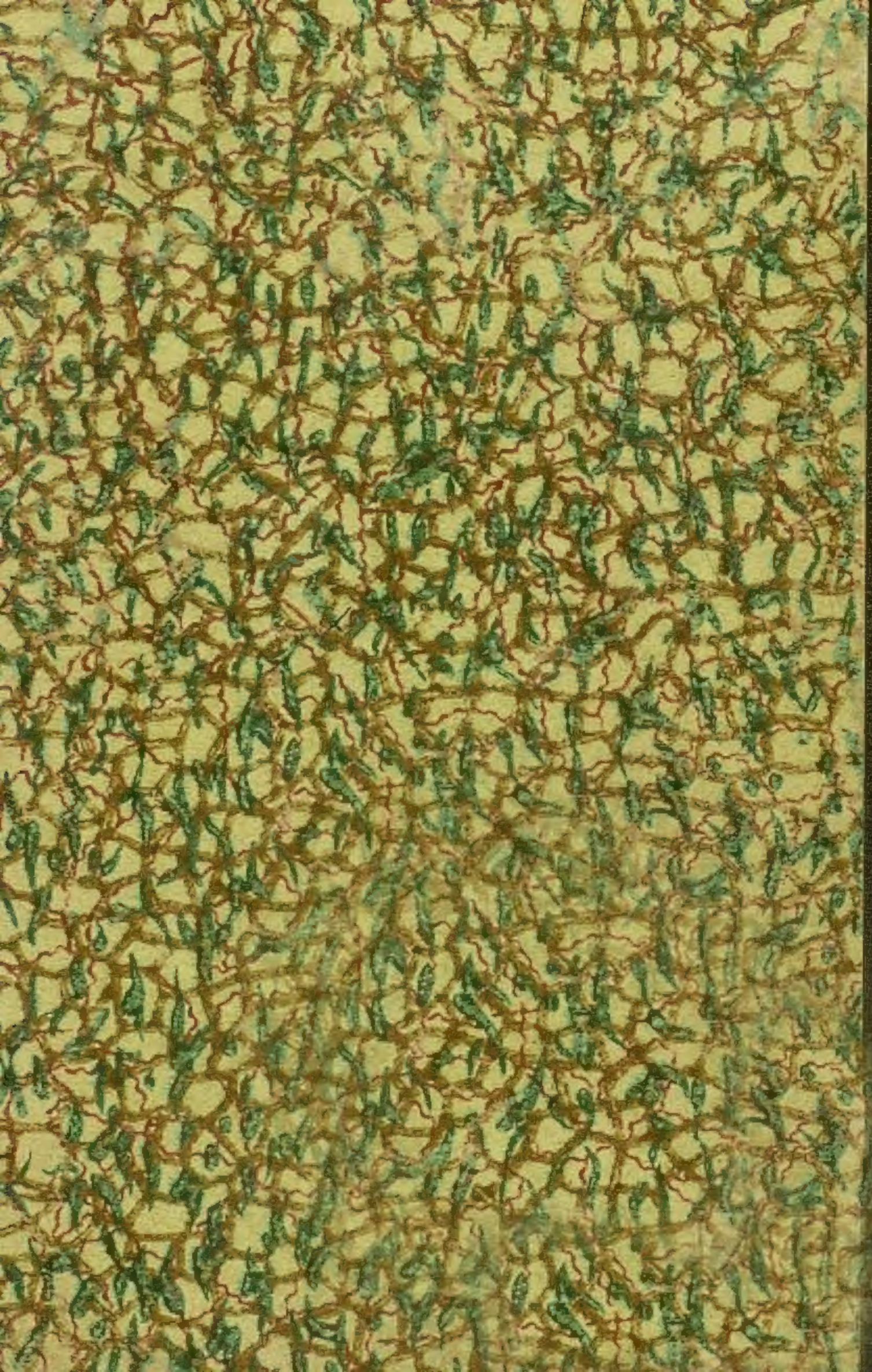
42) **Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ.** Книжка первая. Ап. Н. Майкова. Ц. 7 коп.

43) **Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ.** Книжка вторая. Его-же. Ц 5 к.

44) **Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ.** Книжка 3-я. Его-же. Ц. 7 к.

Примѣчаніе. Пересылку книгъ въ количествѣ 300 и болѣе экземпляровъ, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, Коммисія принимаетъ на свой счетъ, при высылкѣ же почтою прилагается стоимость пересылки, считая каждыя 10 книгъ за фунтъ.

Гг. иногородные съ требованіями обращаются по почтѣ: въ С.-Петербургъ, къ Предсѣдателю Постоянной Коммисіи, въ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Гг. книгопродавцы пользуются уступкою при покупкѣ книгъ на деньги 30%.

Склады изданій Коммисіи находятся въ С.-Петербургѣ: при Канцеляріи Коммисіи, Литовка. противъ Греческой церкви, домъ Петрова, и въ книжныхъ магазинахъ В. А. Цвылева (Фонтанка, № 41) и Фену и К°.